

НАОМИ НОВИК

СМЕРТЕЛЬНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

★ ЗОЛОТЫЕ АНКЛАВЫ ★

Она надеялась перехитрить судьбу.
НО ПРОРОЧЕСТВА НЕ ВРУТ.

18+

Шоломанча

Наоми Новик
Золотые анклав

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Новик Н.

Золотые анклавы / Н. Новик — «Эксмо», 2022 — (Шоломанча)

ISBN 978-5-04-192340-2

Эль с самого детства надеялась, что сможет обхитрить судьбу: пророчество гласило, что ей суждено разрушить магический мир. Но она знала: она не собирается этого делать. Никогда и ни за что. Но иногда пророчества оказываются намного хитрее, чем мы думаем. Так, Шоломанча оказалась не просто разрушена, в ее стенах остался Орион Лейк. И теперь Эль нужно понять, как жить дальше, а главное – выяснить правду о нем и самой себе.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-192340-2

© Новик Н., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Наоми Новик

Золотые анклавы

Naomi Novik

THE GOLDEN ENCLAVES

Copyright © 2022 by Temeraire LLC

This translation published by arrangement with Del Rey, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Юрта

Напоследок этот гад успел сказать: «Эль, я так тебя люблю».

А потом он вытолкнул меня за ворота Шоломанчи, и я приземлилась плашмя в раю, на зеленой полянке в Уэльсе, которую видела последний раз четыре года назад. Деревья были покрыты свежей листвой, сквозь которую сочился солнечный свет, и меня ждала мама. *Мама*. В руках она держала цветы. Маки знаменовали отдых, анемоны – преодоление, лунник – забвение бед, выюнок – новое начало. Обычный приветственный букет, который должен был изгнать из моей памяти пережитые ужасы, наполнить душу покоем и исцелить раны, – но, едва мама протянула ко мне руки, я дико взвыла «Орион!», вскочила, и цветы полетели во все стороны.

Несколько месяцев – целую жизнь – назад, когда мы лихорадочно тренировались на полосе препятствий, одна девчонка из миланского анклава подарила мне латинское заклинание перемещения, очень редкое, которое можно наложить на себя, не рискуя разлететься на кусочки. Предполагалось, что с его помощью я буду прыгать с места на место в выпускном зале и спасать других – таких, как девчонка из Милана, потому-то она и дала мне заклинание, за которое в иных обстоятельствах пришлось бы заплатить пятилетний запас маны. Обычно им не пользуются для перемещения на большие расстояния, но время мало чем отличается от пространства, а в Шоломанче я была десять секунд назад. Я отчетливо, как на чертеже, представляла себе зал вкупе с кошмарной тушей Терпения и ордой голодных злыдней. Я встала у ворот, точно там же, где стояла, когда Орион меня толкнул, и принялась за дело.

Но заклинание не желало накладываться, оно сопротивлялось, словно выставляя на пути предупреждающие знаки – стоп, тупик, дорога размыта. Я настаивала, продолжая вкладывать в него ману, и заклинание наконец дало сдачи, свалив меня с ног. Казалось, я влетела лицом в бетонную стену.

Я встала и повторила – и снова рухнула наземь.

В голове стоял оглушительный звон. Я кое-как поднялась на ноги. Мама помогла мне устоять – она что-то говорила, удерживала меня, пыталась успокоить, но я прорычала: «На него напало Терпение!» – И она бессильно опустила руки: в ее памяти встал оживший кошмар.

После того как я вылетела за ворота, прошло уже две минуты. Две минуты в выпускном зале – это очень много, даже когда он не набит под завязку чудовищами со всего света. Но, сделав передышку, я перестала тупо биться головой о ворота. Я задумалась – и попыталась наложить на Ориона призывающее заклинание.

Большинство магов не способны призвать ничего крупнее резинки для волос. Но призывающие заклинания, которые я отнюдь не по доброй воле коллекционировала в школе, сплошь предназначались для того, чтобы притащить несколько беспомощных, пронзительно вопящих пленников в жертвенную яму (которую я почему-то не удосужилась вырыть). У меня было десятка полтора вариантов, и один из них позволял увидеть нужного человека в любой зеркальной поверхности и потребовать его к себе. Очень эффективно, если есть огромное залятое зеркало рока. К сожалению, свое я оставила на стене школьного дортуара. Но я обежала полянку и нашла меж двух корней маленькую лужицу. В норме этого не хватило бы, но во мне бесконечной рекой текла мана – ее поток еще не прервался. Я вложила в заклинание силу, сделала грязную лужицу гладкой как стекло и, пристально глядя на нее, позвала:

– Орион! Орион Лейк! Я призываю тебя... – Я подняла голову, впервые за четыре тоскливых года увидев солнце и небо. Но посетила меня одна лишь досада: рассвет, полдень или полночь были бы гораздо полезней. – Призываю тебя в час прибавления света: приди ко мне из темных залов, повинуйся моему слову.

Скорее всего, придя, он будет под действием чар повиновения, но эту проблему я решу позже, после того как он окажется здесь...

На сей раз заклинание сработало: вода превратилась в серебристо-черное облако, в котором медленно и неохотно возник размытый силуэт – возможно, вид Ориона со спины, всего лишь смутные очертания на фоне непроглядного мрака. Я сунула руку в темноту, потянулась к нему, и на мгновение мне показалось – я была уверена! – что ухватила его. Я ощутила неимоверное облегчение: ура, все получилось, сейчас я вытащу Ориона... и тут я заорала от ужаса, потому что мои пальцы погрузились в плоть чреворога, и он заметил меня.

Тело приказывало мне немедленно убираться. Более того – как будто дело обстояло еще недостаточно скверно: чреворогов оказалось *два*, и они оба цеплялись за меня. Очевидно, Терпение не до конца переварило Стойкость. Сто лет чужого сытного питания – это очень много, и Стойкость в процессе тыкалась в разные стороны, пытаясь утолить собственный голод, пока ее саму пожирала.

В выпускном зале мне было абсолютно ясно, что я, скорее всего, не справлюсь с этим объединенным ужасом, пусть даже меня питала мана четырех тысяч человек. С Терпением мы могли сделать то же, что и с Шоломанчи, – столкнуть обоих в пустоту и надеяться, что они сгинут навсегда. Но видимо, Орион был со мной не согласен, раз кинулся драться, пока вся школа висела на волоске у него за спиной. Как будто он боялся, что Терпение вырвется, и в его тупую голову закралась мысль, что он может его удержать, если останется и еще разок изобразит героя. Мальчик против цунами. Никакой другой разумной причины я не могла себе представить, и даже без выталкивания меня за ворота это было глупо, поскольку из нас двоих только я раньше сражалась с чреворогом. Орион поступил по-идиотски, и я страстно желала, чтобы он спасся, чтобы он был здесь – я бы охотно на него наорала, подробно объяснив, какой же он кретин.

Ярость придавала мне сил. Ярость позволяла держаться, несмотря на зловонную тяжесть чреворога, обволакивающую мои пальцы и пытающуюся пробиться сквозь защиту, как ребенок пытается разгрызть карамель, чтобы добраться до сладкой начинки. Чреворог хотел добраться до меня, всосать целиком, пожрать, превратив в глядящие с отчаянием глаза и вопящий рот.

Ярость – и ужас, потому что он собирался поступить так с Орионом, который остался наедине с чудовищем в зале. Поэтому я не отступала. Глядя в лужу, я швырнула убийственное заклинание поверх его полуразмытого, едва видимого плеча – свое лучшее, самое быстрое смертоносное заклинание. Я произносила его снова и снова и чувствовала, как вокруг моих рук плещется гниль, и вскоре мне с каждым вздохом приходилось подавлять тошноту, и каждый раз «*A la mort!*», скатываясь у меня с языка, звучало все менее внятно, пока само мое дыхание не стало веять смертью. Я не разжимала рук, я по-прежнему пыталась вытащить Ориона. Даже если это значило, что я выволоку Терпение в мир вместе с ним и ненасытное чудовище окажется на зеленой валлийской лужайке, у маминых ног, в мирном краю, о котором я не переставала вспоминать в Шоломанче. В конце концов, потом просто останется добить тварь.

Пять минут назад это представлялось совершенно невозможным – настолько, что я сама бы над собой посмеялась, – а теперь чреворог казался лишь мелким пустяковым препятствием: ведь уступить монстру значило отдать ему Ориона. Я хорошо умела убивать. Я уж что-нибудь придумаю. В голове у меня уже начал разворачиваться план – стратегические шестеренки мерно двигались где-то на заднем плане, как в Шоломанче, где они четыре года не останавливались ни на секунду. Мы с Орионом вместе сразимся с Терпением. Я буду его убивать, а Орион – извлекать ману и передавать мне; мы замкнем бесконечный круг и не прервемся, пока тварь наконец не сдохнет. У нас получится, все получится. Я уверилась в этом. Я не отпускала.

Я не отпускала. Но меня отбросило. Опять.

Это сделал Орион. Без вариантов. Потому что чревороги не выпускают свою добычу. Мана, которую я вкладывала в заклинание призыва, лилась из общего запаса, который по-

прежнему был открыт, словно вся школа продолжала вкладывать ману в наш совместный ритуал. Но этого не могло быть. Все ведь ушли. Ученики покинули Шоломанчу и теперь обнимали родителей и рассказывали им о том, что мы сделали. Окруженные друзьями, они плакали и залечивали раны. Они больше не снабжали меня маной, да и не должны были. Наш план заключался в том, чтобы обрубить все связи со школой – мы хотели до отказа набить ее злыднями, отсечь от мира и отправить в пустоту, как зловонный воздушный шар, полный чудовищ. Она должна была исчезнуть во мгле, которой принадлежала. Процесс пошел, когда мы с Орионом бросились к воротам.

Насколько я понимала, единственной связью школы с реальным миром оставалась я сама – я, цепляющаяся за ману, которая лилась из школы. А единственным оставшимся в Шоломанче существом, способным снабжать меня маной, был Орион, способный извлекать энергию из убитых злыдней. Значит, он еще был жив и сражался. Терпение его пока не поглотило. И он наверняка чувствовал, как я пытаюсь его вытащить, но вместо того чтобы помочь мне, он отстранялся, сопротивляясь призыву. И ужасный липкий рот, присосавшийся к моей руке, тоже отодвинулся. Орион, видимо, пытался сделать то же самое, что сделал много лет назад мой папа: он схватил чреворота и потащил прочь, жертвуя собой, чтобы спасти девушку, которую любил.

Но девушка, которую любил Орион, была не кроткой нежной целительницей, а колдуньей, способной к массовому истреблению. Ей уже удалось разнести в клочья двух чреворотов. Этот тупой кретин должен был довериться мне. Но нет. Вместо этого он боролся со мной, а когда я попыталась использовать заклинание призыва, чтобы вернуть его силой, бесконечное море маны внезапно иссякло, словно он выдернул из ванны затычку.

Мгновенно разделитель маны у меня на запястье стал холодным, тяжелым и безжизненным. Тут же у моего недешевого заклинания закончилось топливо, и Орион выскользнул из моей хватки, как если бы я пыталась удержать пригоршню масла. Его силуэт растворился в темноте. Я отчаянно продолжала цепляться за него, хотя он таял прямо на глазах, но мама, которая все это время стояла рядом со мной на коленях с искаженным от страха и тревоги лицом, схватила меня за плечи и потащила прочь от лужи. Вероятно, если бы не она, я бы лишилась кисти, когда заклинание оборвалось и мой бездонный источник превратился в сантиметровую лужицу меж древесных корней.

Я повалилась наземь, но тут же, не успев даже задуматься, поднялась на колени – я недаром тренировалась к выпуску. Я бросилась обратно к луже и заскребла пальцами землю. Мама обнимала меня, отчаянно умоляя остановиться. Впрочем, я остановилась не поэтому. Я остановилась потому, что больше ничего сделать было нельзя. Маны не осталось ни грамма. Мама снова схватила меня за плечи, и я обернулась и вцепилась в кристалл у нее на шее, твердя: «Пожалуйста, дай, пожалуйста». Мамино лицо было воплощенное отчаяние; я чувствовала, что ей хочется убежать, но она удержалась, закрыла глаза, дрожащими руками расстегнула цепочку и отдала мне наполовину полный кристалл. Этого бы не хватило, чтобы поднять мертвеца или сжечь город до основания, но я бросила Ориону заклинание-сообщение с отчаянным воплем, то есть с призывом отозваться, протянуть руку, не отказываться от помощи.

Только оно не прошло.

Когда маны не осталось даже на то, чтобы кричать, я собрала последние крохи на поиск бьющегося сердца, пытаюсь понять, жив ли он еще. Это очень дешевое заклинание, потому что нелепо сложное – процесс накладывания занимает десять минут и сам вырабатывает почти всю необходимую ману. Я наложила его семь раз подряд, не вставая с испачканных грязью колен, и некоторое время стояла так, слушая, как ветер дует в кронах, поют птицы, переговариваются овцы и где-то вдалеке журчит ручеек. Ни единого биения сердца до меня не донеслось.

Когда мана закончилась совсем, я позволила маме отвести меня в юрту и уложить в постель, как в детстве.

Первое пробуждение было так похоже на сон, что мне стало больно. Я лежала в юрте, в открытую дверь веяло ночной прохладой, и снаружи доносилось тихое мамино пение. Все было так, как в самых мучительных школьных снах, в которых я отчаянно пыталась задержаться еще немножко и неизменно просыпалась в испуге. Ужаснее всего было то, что на сей раз мне не хотелось длить видение. Я повернулась на другой бок и снова заснула.

А когда я больше уже не смогла спать, то просто лежала на спине и долго смотрела на изгиб потолка. Будь у меня еще какое-нибудь занятие, я бы не проспала так долго. Даже злиться не хватало сил. Злиться имело смысл только на Ориона – и именно это было невозможно. Я честно пыталась – лежала и припоминала все грубые и резкие слова, которые сказала бы ему, будь он рядом. Но когда я мысленно спросила Ориона «О чем ты вообще думал?», то не сумела произнести это гневно, даже про себя. Было просто больно.

Но я и оплакивать его не могла, потому что он *не умер*. Он вопил, пока чреворот пожирал его, как папу. Люди предпочитают думать, что жертвы чреворота умирают, но это просто потому, что все другие варианты чудовищны. Сделать тут ничего нельзя, поэтому, если твоего любимого человека сожрали, он для тебя умирает, и можно притвориться, что все кончено. Но я-то знаю, знаю на собственной шкуре, что человек не умирает, когда его съедает чреворот. Жертву продолжают пожирать вечно – столько, сколько живет тварь. Но это знание ни к чему не вело. Я ничего не могла поделать. Потому что Шоломанча сгинула.

Я не двигалась, когда в юрту вошла мама. Она положила в миску что-то мелкое, тихонько сказала: «На, держи», и Моя Прелесть, тихо пискнув, что означало благодарность, принялась уплетать зернышки. Мне даже не было стыдно, что я не подумала о ней, маленькой и голодной. Я погрузилась в бездну, от которой все бытовые заботы отстояли слишком далеко. Мама подошла, села рядом с моей походной кроватью и положила ласковую теплую руку мне на лоб. Молча.

Некоторое время я сопротивлялась – не хотела, чтоб мне становилось лучше. Я не хотела вставать и выходить в мир (если в принципе признать, что мир имел право существовать дальше). Но лежать здесь и ощущать на лбу мамину руку, дарящую утешение и покой, было просто глупо. Мир жил дальше вне зависимости от моего разрешения. Поэтому я наконец села и выпила воды из кособокой глиняной чашки, которую мама сама слепила. Она села на край кровати, обняла меня и погладила по голове. Мама казалась такой маленькой. Вся юрта тоже. Я даже сидя доставала макушкой до свеса крыши. Можно было одним прыжком выскочить наружу, если бы мне хватило глупости вырваться в неведомый мир, где в засаде ждали неведомые опасности.

Конечно, это больше не было глупостью. Я покинула Шоломанчу. Я освободила учеников, загнала злыдней в школу, а потом отделила ее, до краев полную голодных тварей, от мира, предоставив им вечно жрать друг друга. И теперь я могла беззаботно проспать двадцать часов подряд, могла выскочить из юрты с песней, могла делать что угодно и идти куда угодно. Как и остальные ребята. Все, кого я вывела из Шоломанчи. Дети, которым больше не нужно было там отсиживаться.

Кроме Ориона, который сгинул во мраке.

Если бы у меня осталась хоть капля маны, я бы попыталась ему помочь, продержалась немного и тем временем придумала бы что-нибудь еще... Но поскольку маны не было, в голову мне пришло только одно: отправиться за помощью к другим, например к матери Ориона, которая вот-вот должна стать Госпожой нью-йоркского анклава. Попросить у нее маны и что-то предпринять... и тут воображение мне отказало. Посмотреть в лицо женщине, которая любила Ориона и хотела, чтобы он вернулся домой, обратиться к ней за маной – да любой, с кем бы я попыталась поделиться этой идеей, просто расхохотался бы. Поэтому я сделала единственное, что оставалось, – уткнулась лицом в ладони и заплакала.

Мама сидела рядом, пока я рыдала, и сочувствовала, не притворяясь, что она тоже горюет, не пытаясь скрыть искреннее ликование – ведь я вернулась, живая и невредимая. Все ее тело излучало радость, но она не стремилась заразить ею меня или преуменьшить мою скорбь; мама знала, что мне очень больно, и соболезновала, и была готова помочь, если понадобится. Не знаю, как мама умудрилась все это выразить, не сказав ни слова. Я бы точно не сумела.

Когда я перестала плакать, она встала и заварила чай, достав листья из семи разных банок, стоящих на забитых до отказа полках. Воду мама вскипятила при помощи магии, хотя обычно никогда так не делала – просто в ту минуту ей не хотелось выходить наружу и оставлять меня одну. Когда она налила кипятка в чашку, юрта наполнилась приятным запахом. Подав мне чай, мама снова села и взяла меня за свободную руку. Она не задавала вопросов. Я знала, что мама не будет настаивать, но царящее в юрте ласковое молчание словно приглашало к разговору, к тому, чтобы горевать вместе с ней над тем, что закончилось и ушло. А я не могла.

Поэтому, выпив чаю, я отставила чашку и спросила:

– Зачем ты предостерегала меня насчет Ориона? – Мой голос звучал болезненно и хрипло, как если бы я проглотила кусок наждачной бумаги. – Поэтому, да? Ты видела...

Мама поморщилась, словно я кольнула ее иголкой, и передернулась всем телом. На мгновение она закрыла глаза и сделала глубокий вдох, потом повернулась и взглянула мне прямо в глаза – это называлось «посмотреть хорошенько». Значит, ей действительно хотелось что-то понять. Лицо у нее тут же пошло морщинами – помимо тонких линий, которые только-только начали проступать в уголках глаз.

– Ты жива, – полушепотом сказала она, взяла меня за руку, и по ее щекам покатались слезы. – Ты жива. Девочка моя любимая, ты жива... – Мама всхлипнула и заплакала. По ее лицу лились сдерживаемые четыре года потоки слез.

Она не предлагала мне плакать вместе с ней; более того – мама отвернулась, словно пряча от меня слезы. Я так хотела обнять ее и порадоваться, что я цела и невредима, – но не могла. Мама плакала от радости, от любви ко мне, и я бы тоже охотно поплакала: я была дома, я вырвалась из Шоломанчи навсегда, я выжила, и мир стал другим. Мир, в котором детей больше не будут бросать в яму, утыканную ножами, в надежде, что они, быть может, выживут. Этому стоило порадоваться. Но я не могла. Яма никуда не делась, и в ней был Орион.

Я убрала руку. Мама не пыталась меня удержать. Она несколько раз тяжело вздохнула и вытерла слезы, задвинув радость подальше, чтобы не отвлекаться. Затем повернулась и коснулась моей щеки:

– Мне так жаль, любимая.

Она не объяснила, почему велела сторониться Ориона. И я сразу поняла: мама не желала мне лгать, но не хотела и причинять боль. Она поняла, что я любила его, что потеряла дорогого человека таким же ужасным образом, как она сама потеряла папу, и в ту минуту только моя боль имела для мамы значение. Почему и зачем – это все было не важно. Она не собиралась убеждать меня в своей правоте.

Но это было важно для меня.

– Объясни, – потребовала я сквозь зубы. – Скажи. Ты поехала в Кардифф, ты нашла того, кто передаст мне записку...

Мама снова горестно сморщилась. Я буквально просила причинить мне боль, сказать то, что должно меня ранить... но мама сдалась. Склонив голову, она тихо ответила:

– Каждую ночь я надеялась увидеть тебя во сне. Я знала, что это невозможно, но все равно пыталась. Несколько раз мне казалось, что ты меня видишь, и мы почти соприкасались... но это был только сон.

Я мучительно сглотнула. Я тоже помнила эти сны, полные почти-прикосновений, маминной любви, которая пробивалась ко мне сквозь густые слои сторожевых заклинаний, окутывающих Шоломанчу, – чар, которые перекрывали все входы. Ведь иначе пробрались бы и злыдни.

– Но в прошлом году... я тебя увидела. В ту ночь, когда тебе пригодился мой пластырь. Ее голос упал до шепота, и я съежилась, видя эту сцену мамиными глазами: моя крохотная комнатка, и я в луже крови на полу, с дыркой в животе после того, как меня пырнул ножом один очаровательный однокашник. Я выжила только благодаря исцеляющему пластырю, который мама сделала своими руками, вложив массу любви и магии в каждый росток льна, каждую нить, каждый миллиметр ткани.

– Мне помог Орион, – сказала я. – Он наложил повязку.

И я замолчала, потому что мама хрипло вздохнула, и ее лицо исказилось при воспоминании о еще большем ужасе, чем я, лежащая в крови на полу.

– Я почувствовала, как он тебя коснулся, – с усилием выговорила она, и я тут же поняла, что ответ мне не понравится. – Я увидела Ориона рядом с тобой. Я видела его, и в нем был... один лишь голод. – В ее голосе звучала мука, словно мама наблюдала за злыднем, пожирающим меня живьем, а не за Орионом, который стоял на коленях и прижимал целебный пластырь к открытой ране.

– Он был моим другом! – воскликнула я, чтобы как-то остановить маму.

Я встала так резко, что стукнулась о потолочную перекладину, охнула, села, прижимая ладонь к макушке, и снова заплакала – от боли. Мама хотела обнять меня, но я оттолкнула ее руку, сердито рыдая, и вновь поднялась.

– Орион спас меня, – прорычала я. – Он тринадцать раз спасал мне жизнь! – И я испустила мучительный вздох: мне не суждено было сравнять счет.

Мама ничего не говорила, не спорила со мной – она просто сидела с закрытыми глазами, обвив себя руками и тяжело дыша. Наконец она прошептала:

– Девочка моя, мне так жаль.

И я знала, что ей действительно жаль – мама совсем не хотела причинять мне боль рассказом о том, что она увидела в Орионе. Она так искренне об этом жалела, что меня замутило.

Я рассмеялась – ужасным злобным смехом, который самой было больно слышать.

– Не волнуйся, Ориона больше нет, – язвительно сказала я. – Я об этом позаботилась. – И вышла из юрты.

Некоторое время я бродила по коммуне, держась в тени деревьев, за пределами видимости. Голова у меня болела от слез, от удара о потолок, оттого, что я пропустила через себя целый океан маны, от четырех пережитых лет тюрьмы. Даже вытереть нос было нечем. Я так и не сменила грязные лосины и футболку, нью-йоркскую футболку, которую подарил мне Орион, с четырьмя дырами (к концу семестра другой одежды у меня просто не осталось). В конце концов я утерлась краем футболки.

Вернуться к маме я не могла, потому что мне хотелось одновременно просидеть месяц в ее объятиях и наорать на нее за то, что она говорила такие вещи об Орионе. А больше всего я мечтала повернуть время вспять и отменить свой вопрос. Лучше бы мама сказала, что все это предвидела; если бы я вняла ее предостережению и не стала втягивать его в свой великолепный план по спасению школы, Орион бы уцелел.

Я догадывалась, что такое увидела мама – силу Ориона, которая позволяла ему вытягивать ману из злыдней. И пустоту – потому что, забрав ману, он сразу ее отдавал. Эта пугающе огромная мощь превратила Ориона в безмозглого и бесстрашного героя, способного в одиночку бросить вызов целой орде тварей, поскольку с самого рождения люди называли его уродом и психом, если только он не служил для них живым щитом.

К Ориону в Шоломанче все подлизывались, но я была его единственным другом, потому что остальные, глядя на него, видели только невероятную силу. Они притворялись, будто считают его благородным героем – а он из кожи вон лез, стараясь соответствовать этому образу. Эта картинка им нравилась, способность Ориона обретала для людей значение, ведь она могла их спасти. Точно так же все смотрели и на меня – и видели чудовище, потому что я отказыва-

лась подыгрывать и изображать то, что хотелось другим. Но любовь к Ориону не особо отличалась от ненависти ко мне. Ни его, ни меня окружающие не считали живым человеком. Просто он был им полезен, а я нет.

Но я даже не думала, что мама – мама! – которая никогда не позволяла мне видеть чудовище в зеркале, пусть даже весь мир пытался убедить меня, что, кроме чудовища, там ничего и нет – так вот, я не думала, что моя родная мама посмотрит на Ориона и сочтет чудовищем *его*. Невероятно! Она оказалась не в состоянии разглядеть в Орионе человека. Может быть, она врала, что видит человека во мне?

Я могла вернуться, наорать на нее, сказать, что я выжила и что она увидела меня во сне только благодаря тому, что Орион убил малефициера, явившегося ко мне с ножом, что он рискнул собственной жизнью, проведя ночь в моей комнате и убивая бесчисленных злыдней, желающих закончить начатое. Но больше всего мне хотелось, чтобы Орион сам подошел к нашей юрте, как и обещал. Тогда мама поняла бы, что была неправа, она бы своими глазами убедилась, что он не ужасное чудовище, которое она заметила мельком, и не сияющий герой, которым его хотели видеть остальные. Что он живой человек, просто человек.

Орион был человеком. Прежде чем погиб у самых ворот Шоломанчи, потому что считал своим долгом спасти всех, кроме себя.

Я бродила и бродила по лесу. Неприятно было чувствовать себя маленькой, усталой, грязной и голодной, но поделаться я ничего не могла. Мир буквально настаивал на том, что жизнь продолжается, и я ничем не могла ему помешать. Наконец за мной явилась Моя Прелесть – она выскочила из-под куста и взобралась мне на ногу, когда я, описав очередной круг, приблизилась к юрте. В руки мышка не далась. Она отбежала в сторону юрты, села на задние лапки и сердито взглянула на меня. Ее белая шерстка буквально светилась, приглашая многочисленных собак и кошек, которые бегали по коммуне более или менее свободно. Если ты фамилльяр, это еще не делает тебя неуязвимым.

Поэтому я пошла за Моей Прелестью к юрте и позволила маме налить мне миску супа, который был сварен из самых настоящих овощей (вас, возможно, это не соблазнит, но что вы знаете о жизни!). Я, не удержавшись, съела пять порций, приправленных болью и обидой, и почти целую краюху хлеба с маслом, а потом мама отвела меня в душ. Я провела под душем целый час, вопреки всем правилам коммуны, словно хотела раствориться в горячей воде, которую ненасытно впитывала каждой порой. И я совершенно не боялась, что из трубы вдруг вылезет амфисбена.

Вместо амфисбены приперлась Клэр Браун. Я стояла под струей воды, закрыв глаза, когда услышала до боли знакомый голос, без толики энтузиазма:

– Ну надо же, дочка Гвен вернулась. – Она нарочно говорила громко, чтобы я ее услышала.

Я почему-то не разозлилась, и это было странно и неприятно: в прежние годы запас гнева у меня никогда не иссякал. Я выключила душ и вышла из кабинки, рассчитывая найти подкрепление своим чувствам, но тщетно. Душевые выходили в большую круглую раздевалку, которая, впрочем, съежилась за время моего отсутствия. Члены коммуны выстроили ее, когда мне было пять лет, и я ногами знала каждый сантиметр неровного пола; не приходилось сомневаться, что эта тесная комнатка с единственной скамейкой и есть та самая раздевалка, однако я по-прежнему не верила собственным глазам. На скамейке, завернувшись в полотенца, в ожидании сидели Клэр, Рут Мастерс и Филиппа Вокс, хотя свободных кабинок было еще две.

Они смотрели на меня как на чужого человека. И для меня они тоже были чужими, пусть даже выглядели и говорили точь-в-точь как те женщины, которые дружно и на все лады твердили мне, что я сущий крест для своей мамы, святой Гвен Хиггинс. Люди жили здесь не без причины – что-то заставило их удалиться от мира. Мама поселилась в глуши, потому что не желала мириться с чужим себялюбием, однако эти три женщины – и множество других обита-

телей коммуны – пришли сюда не для того, чтобы творить добро. Они хотели, чтобы добро творили им. Они смотрели на меня – и видели идеально здорового ребенка, которому это волшебное существо, то есть моя мама, щедро дарило любовь и внимание, и все они знали, что значило бы для них иметь тот же неиссякаемый источник... но на пути стояла я, угрюмая, неблагодарная, впивающая все без остатка и, казалось, без толку.

Это, конечно, не оправдывало их неприязни к несчастному одинокому ребенку. Я прекрасно понимала чувства соседок по коммуне, но отнюдь не была готова их простить. Мне следовало насладиться их замешательством, с презрительной усмешкой сказать: да, я вернулась. Я выросла и кое-чему научилась – а вы чем занимались последние четыре года, кроме мерзких сплетен? Мама вздохнула бы, услышав об этом, но мне было бы все равно. Я бы вышла из душевой, злорадно сияя.

Но я удержалась. Видимо, если я не злилась на Ориона, то и на других злиться не могла.

Я ничего им не сказала, и они тоже ничего не сказали – ни мне, ни друг другу. В полной тишине я повернулась, вытерлась и надела то, что мама оставила для меня на крючке рядом с душевой кабинкой – новенькие хлопковые шорты, только что из магазинного пакета, и льняную рубашку с тесемками на вороте, длинную и просторную. Один из обитателей коммуны шил такие для средневековых реконструкторов. Плюс самодельные сандалии, которые тоже мастерил кто-то из наших соседей – просто деревянная подошва с кожаной лямкой. Я четыре года не носила таких чистых вещей, не считая того дня, когда впервые надела футболку Ориона. Последним, что я с неохотой приобрела для себя, было слегка поношенное нижнее белье, которое я, перейдя в старший класс, купила у одной выпускницы: от моих старых трусиков уже не осталось ничего, способного выдержать магическую починку. Цена на новое белье в школе достигала заоблачных высот; за пару трусов можно было получить универсальное противоядие. Вернувшись в коммуну, я стала обладательницей невероятных богатств.

Восхитительно.

Я оделась – глупо было этого не сделать – и, разумеется, почувствовала себя лучше, прямо прекрасно себя почувствовала, а потом посмотрела на грязные лохмотья Орионовой футболки, которая годилась только для помойного ведра, и мне сразу стало хуже. Я хотела выбросить ее вместе с остальными старыми вещами, но не смогла. Поэтому я сложила футболку и сунула в карман – она изнашивалась до того, что стала совсем тоненькой; ткань наполовину состояла из магии, и свернуть ее можно было до размеров носового платка. Я почистила зубы – новенькой щеткой, свежей мятной пастой – и вышла. Снаружи уже было темно. Мама развела возле юрты маленький костер. Я села на бревно у огня и еще немного поплакала. Ничего оригинального. Мама подошла и снова обняла меня за плечи. Моя Прелесть взобралась мне на колени.

Следующий день я тупо просидела у погасшего костра. Я была чистая и сытая; даже когда пошел мелкий дождик, я не двигалась с места, а потом снова засияло солнце. Мама тихонько хлопотала около, предлагая мне еду и чай и не мешая думать. Я ни о чем не думала. Точнее, изо всех сил старалась не думать, потому что думать, в общем, было не о чем, кроме одной ужасной вещи – Орион вопил от ужаса где-то в пустоте. Хорошенько сосредоточившись, я его слышала. Он звал: «Эль, Эль, помоги мне, пожалуйста, Эль!»

Потом я подняла голову, потому что этот голос звучал не только у меня в мозгу. Рядом со мной на бревне сидела маленькая странная птичка – лилово-черная, с оранжевым клювом и ярко-желтыми пятнышками на голове. Она смотрела на меня круглыми блестящими глазами.

– Эль? – повторила птичка.

Я уставилась на нее.

Она вытянула шею, издала звук, похожий на кашель, и приняла прежнюю позу:

– Эль? Эль! Эль, как у тебя дела?

Это был голос Лю. Пускай он звучал не очень похоже, но интонацию и манеру выговаривать слова я узнала безошибочно. Если бы этот голос раздался у меня за спиной, я бы решила, что Лю здесь.

– Плохо, – откровенно ответила я птичке.

Она склонила голову набок, сказала «Ни хао», а потом снова повторила:

– Эль? – и закончила моим голосом: – Плохо. Плохо.

Взмахнув крыльями, птичка улетела.

Мы с Аадхьей и Лю договорились: как только я выберусь, я найду какой-нибудь телефон и пошлю им сообщение. Они заставили меня вызубрить их номера. Но все это было частью *плана*, а у меня не доставало сил взяться за его воплощение.

План мы составили просто идеальный. Сутры Золотого Камня, аккуратно обернутые и увязанные, лежали вместе с записями и переводами в сумке, которую я смастерила из своего последнего одеяла и уложила, в свою очередь, в педантично вырезанный сундучок, а сундучок сунула в непромокаемый мешок, который повесила на спину, как только школьный механизм начал двигаться. Это было единственное, что я забрала с собой, – свою добычу, самое ценное приобретение, доставшееся мне в школе. Я бы обменяла сутры на жизнь Ориона, если бы какая-нибудь высшая сила мне это предложила, но все-таки поразмыслила бы несколько секунд, прежде чем согласиться.

План был таков: если я выберусь живой, то обниму маму миллион раз, поваляюсь в траве, снова обниму маму, а потом возьму сутры и отправлюсь в Кардифф, где неподалеку от центрального стадиона обитало приличное магическое сообщество. Тамошние маги были недостаточно влиятельны и богаты, чтобы выстроить собственный анклав, однако усиленно к этому стремились. Я предложила бы в обмен на скопленную ими ману выстроить кардиффцам небольшой Золотой анклав за пределами города. Ничего грандиозного – всего лишь подходящее местечко, чтобы на ночь прятать туда детей для защиты от случайных злыдней, уцелевших после истребления.

Орион в этот план не входил. Да, я догадывалась, что он, если захочет, может отыскать меня в Кардиффе. Но приземлился бы он в родительские объятия, посреди роскошного нью-йоркского анклава. Все бы пытались его удержать, напоминая о долге, о верности, словно обвиняя ползучими лозами. Поэтому, честно говоря, я сомневалась, что Орион ко мне приедет. Да, я пессимистка. И в общем, я не нуждалась в его приезде. Я была морально готова жить дальше одна.

Не знаю, так ли мне было нужно, чтобы он выбрался живым.

Прежде чем мы приступили к осуществлению нашего безумного плана, я практически не сомневалась, что погибну сама и вместе со мной – минимум половина тех, кто мне небезразличен, Орион – первым. Если бы все пошло кувырком, если бы злыдни освободились из-под заклинания приманки и принялись убивать направо и налево, если бы нам пришлось бежать, спасая свою жизнь, и Орион оказался бы в числе погибших – полагаю, я бы поплакала о нем и двинулась дальше.

Но то, что произошло, было нестерпимо. Он *один* погиб, спасая нас всех. Спасая меня. Пусть даже Орион сам, идиот такой, предпочел повернуться и встретиться с Терпением, пусть даже он сам решил вытолкнуть меня за ворота, продолжая разыгрывать героя – ведь он думал, что только в этом случае чего-то стоит. Невыносимо было осознавать, что его история закончилась вот так.

Поэтому я забила на план, не пошла и не отыскала телефон, не стала писать Аадхье и Лю. Я не поехала в Кардифф. Я просто сидела – то внутри юрты, то снаружи, без всякой логики – и пыталась мысленно все изменить, разыграть с самого начала еще раз, как будто могла изменить случившееся, просто расположив собственные действия в ином порядке.

Говорю по опыту: примерно так бывает, когда тебя унижат в столовой или в душевой в присутствии десяти человек; если ты вовремя не успела придумать остроумный ответ, то потом долго воображаешь великолепные колкости, которые могла бы сказать. Когда я была маленькой, мама неоднократно намекала, что на самом деле я просто бесконечно обсасываю собственное унижение, в то время как мои мучители спокойно и идут дальше. Я признавала ее правоту, но меня это не останавливало. Не остановило и теперь. Я ходила взад-вперед по дороге, размышляя, как бы подтолкнуть поезд, который уже сошел с рельсов.

Проведя несколько дней в попытках мысленно переписать историю, я породила великолепную, сверхоригинальную идею внести коррективы в мироздание. Я зашла в юрту и достала старую, времен начальной школы, тетрадку, которую мама хранила в коробке. Найдя чистую страницу, я записала несколько строк, своего рода запоздалый ответ. Не знаю, о чем я думала, когда принялась сочинять заклинание, которое позволило бы мне буквально изменить ткань бытия. Такие вещи не работают в долговременной перспективе, каким бы могущественным ни был маг. Реальность все равно сильнее, и в конце концов она даст сдачи, как правило, уничтожив посягателя. Но он, несомненно, сможет провести довольно долгое время – во всяком случае с его точки зрения – в собственной вымышленной вселенной; и чем дольше он держится и чем больше сил вкладывает в поддержание заклинания, тем больше ущерба причинит финальный взрыв. Если бы я хоть на минутку остановилась и подумала, то поняла бы все – как это бессмысленно и сколько вреда принесет моя попытка. Но я не остановилась. Я просто пыталась избавиться от мук, словно меня вместе с Орионом проглотил чреворот и я отчаянно рвалась на волю.

Мама явилась, когда я подбирала следующую строчку для заклинания – и, скорее всего, подобрала бы. Я плохо умею сочинять заклинания – если только они не предполагают массового истребления. В таких случаях мне нет равных. Мама уважала мою скорбь, но не собиралась спокойно наблюдать, как я завязываю мироздание в узел и кончаю с собой в процессе. Она бросила один взгляд на страницу, схватила тетрадь и швырнула ее в огонь, а затем опустилась передо мной на колени, крепко взяла меня за руки и прижала их к груди.

– Дочка, дочка, – сказала она, приложила ладонь к моему лбу и нажала между бровей. – Дыши. Пусть слова текут. Пусть мысли текут. Не держи их. Они уже уходят. Дыши. Дыши вместе со мной.

Я повиновалась – просто потому, что не могла устоять. Мама почти никогда не применяла ко мне магию, даже когда я в детстве выла и бесилась. Любой другой родитель-маг заставил бы меня успокоиться при помощи чар. Большинство детей волшебников к десяти годам учатся противостоять родительским сдерживающим заклинаниям, однако когда я, четырехлетняя, визжала, не желая ложиться спать, мама три часа пела колыбельные, вместо того чтобы заклинанием отправить меня в постель. Когда в семь лет я закатила дикую истерику, мама дала мне прореветься и успокоиться, хотя я предпочла бы поток ругани и большую порцию успокаивающего зелья. Я не считаю, что мама была абсолютно права – и до сих пор считаю, что порция успокаивающего зелья время от времени не помешала бы. Я хочу сказать, что не умею защищаться от маминой магии, по крайней мере инстинктивно, хотя инстинкты у меня развиты прекрасно.

Во всяком случае, мамина магия приятна, потому что мама хочет сделать хорошо. Я сразу же ощутила облегчение. Когда я все-таки высвободилась, то начало заклинания уже вылетело у меня из головы; кроме того, мне стало легче, и я поняла, что задумала невероятную глупость.

Не скажу, что я была благодарна маме за помощь. При мысли о том, что она абсолютно права, я только расстроилась. Когда мама меня отпустила, я была – против воли – слишком спокойна, чтобы выбежать наружу, под дождь, но в то же время и не желала подвергаться всяким ужасам, например говорить о своих чувствах или благодарить за то, что мама спасла от

гибели меня и всю коммуны (если не половину Уэльса). Нужен был другой план, поэтому я взяла сумку и достала книгу сутр.

Мама мыла посуду в другом углу юрты, повернувшись спиной, чтобы не мешать мне. Но, оглянувшись и увидев, что я читаю, она спросила своим обычным добродушным тоном, который я одновременно любила и страстно ненавидела:

– Что ты читаешь, детка?

Конечно, мне хотелось похвастаться своей добычей, но вместо этого я мрачно буркнула:

– Сутры Золотого Камня. Я их добыла в школе.

Впрочем, я даже договорить не успела – мама издала такой звук, будто ее несколько раз пырнули ножом, и уронила тарелку на пол. Я уставилась на нее, она на меня – напуганная, застывшая, с круглыми глазами, – а потом рухнула на колени, закрыла лицо руками и завывала, как дикий зверь.

Я запаниковала. Мама была в истерике, совсем как я полчаса назад, но мне она могла помочь, а я ей – вряд ли: от меня мало толку, если речь не о драке с ордой злыдней. Я понятия не имела, что делать. Я дважды обежала юрту, хватаясь за что попало, а потом наконец принесла воды. Я умоляла маму выпить и объяснить, что случилось. Она продолжала причитывать. Я подумала, что она отравилась жидкостью для мытья посуды, попыталась ее обследовать на предмет токсичных веществ, не преуспела, решила наложить универсальное исцеляющее заклинание, но маны не было, и тогда я начала приседать и подскакивать, чтобы ее собрать, а мама тем временем плакала. Выглядела я, наверное, полной дурой.

Мама, видимо, поняла, что надо прийти в себя. Она несколько раз глубоко вдохнула и сказала мне:

– Не надо, не надо.

Я остановилась, тяжело дыша, опустилась перед ней на колени и взяла ее за плечи:

– Мама, что с тобой? Просто скажи, что делать. Прости, прости, пожалуйста.

Я сама все ей простила. Простила, что маме не нравился Орион, и что она велела мне его сторониться, и что успокоила меня при помощи чар. Это не имело ровно никакого значения после маминого срыва, словно мое ужасное недописанное заклинание уже каким-то образом начало раздирать мир на части.

Мама медленно, со стоном, втянула воздух и покачала головой:

– Нет, детка, не извиняйся. Не тебе, а мне надо просить прощения. Это я виновата... – Она закрыла глаза и крепко сжала мне плечи, когда я собиралась сказать что-нибудь бессмысленное, например «Да нет, все нормально». – Я расскажу. Я должна тебе рассказать. Но сначала я схожу в лес. Прости меня, любимая. Прости. – Она тяжело, как старуха, поднялась и вышла из юрты, прямо под дождь.

Я сидела на кровати, прижимая сутры к себе, как плюшевого мишку, и едва сдерживая ужас – волю панике я не давала только потому, что мама часто ходила в лес и возвращалась спокойная, готовая исцелять и проявлять заботу. Поэтому отчасти я упрямо надеялась, что все будет именно так, но мои надежды никогда не сбывались, и виновата всегда была я сама. Я чуть не заплакала, когда мама вернулась через час, насквозь мокрая – платье как оберточная бумага липло к ногам, грудь, живот и лицо были в грязи. Я страшно обрадовалась, увидев маму; больше всего мне хотелось ее обнять.

Но она сказала:

– Я должна сейчас все тебе рассказать. – Она произнесла это негромко и отстраненно, как говорила, когда накладывала очень серьезные заклинания. Например, когда к ней приходил волшебник, который хотел излечиться от чего-нибудь ужасного – от сильного проклятия или магического недуга, – и мама объясняла пациенту, что делать. Только на сей раз она убеждала саму себя. Она сжала мне руки на мгновение, притянула к себе, поцеловала в лоб, как будто прощалась, и я подумала, что мама сейчас скажет: «Все эти годы я ошибалась, на самом

деле тебе суждено исполнить страшное пророчество, которое висело над тобой с раннего детства, поэтому мы должны расстаться навсегда». Но мама сказала: – Родные твоего отца жили в анклаве Золотого Камня.

– Который построили с помощью этих сутр? – хриплым шепотом спросила я.

Это, в общем, был не вопрос. Я знала, что папины родные, семейство Шарма, некогда жили в анклаве – очень древнем, где-то на севере Индии, который рухнул лет двести назад, во время британской оккупации. Сутры Золотого Камня представляли собой старые заклинания на санскрите, и я знала, что в прошлом с их помощью выстроили целую кучу анклавов в той части света. Ну да, совпадение – но ничего плохого я в нем не видела. И все-таки мамины слова меня напугали. Я почувствовала, что близится нечто ужасное.

– Анклавов строят с помощью малии, – сказала мама. – Не знаю, как именно, но, оказавшись внутри, ты сразу ее чувствуешь. Так возводят все анклавов, кроме анклавов Золотого Камня. Это мне рассказал твой папа.

– Ну и хорошо, – ответила я и протянула ей сутры как торжественное приношение. – В них нет малии, мама. Я все прочла. Пока я не могу их накладывать, но...

Она посмотрела на роскошную книгу, и ее лицо исказилось. Мама поднесла к сутрам дрожащую руку и замерла, словно не смела к ним прикоснуться. Она так и не дотронулась до обложки.

– Мы с Арджуном хотели выстроить новый золотой анклав, – сказала мама. – Мы думали – если показать всем хороший пример... – Она замолчала и начала сначала (мама всегда просит людей обойтись без объяснений, когда они извиняются, и не подыскивать оправданий, если только их не попросят). – Мы хотели построить золотой анклав. Мы хотели найти сутры, – сказала мама, и, наверное, тогда я уже начала кое-что понимать, но в голове у меня была звенящая пустота. – Мы подумали – лучше всего будет начать прямо в школе, в библиотеке. Дорогая, прости меня. Мы произнесли призывающее заклинание. Мы призвали сутры и открыли счет.

Глава 2

Лондонский сад

– Мы думали, что у нас ничего не вышло, – сказала мама. – Мы решили, что сутры пропали или были уничтожены.

Я сидела на кровати, крепко прижимая к себе книгу. Быть может, ее следовало бросить в огонь, однако в ту минуту она казалась единственной опорой.

Возможно, я и впрямь предпочла бы услышать, что мама ошиблась и что мне действительно суждено ступить на темную сторону. Я всю жизнь к этому готовилась. Моя душа была бы опустошена, но я этого ждала. Я была не готова услышать, что мама... и папа... даже не знаю, как сказать...

Заклинание призыва сродни штопке и починке. Базовая версия этого заклинания есть на любом языке – ты берешь ее и усложняешь в зависимости от того, что тебе нужно и что ты предлагаешь взамен. С помощью призыва можно получить буквально что угодно, в том числе невинных людей для жертвоприношения – лишь бы то, что ты ищешь, существовало. Но за это придется заплатить – и гораздо больше честной рыночной цены, с точки зрения среднего мага. Если совершить призыв и предложить чересчур низкую цену, или вложить недостаточно маны, или пожертвовать слишком малым – потеряешь все, что поставил на кон, и вдобавок заклинание не работает.

Но есть другой способ наложить заклинание призыва: вообще не нужно вкладывать ману или назначать цену. В таком случае, если ты просто оставляешь счет открытым, ты предлагаешь все, что имеешь, включая собственную жизнь. Вполне может получиться так, что в итоге один вынужденно проведет вечность, вопя от муки в брюхе чреворота, а другая, рыдая, выползет из ворот Шоломанчи, чтобы в одиночестве выносить и родить ребенка.

Ты предлагаешь мирозданию и жизнь ребенка, комочка клеток, настолько зависимого от тебя, что ты можешь принести его в жертву, даже не осознав этого. Сделать ребенка «обрезанной душой», как выразилась моя прабабка-пророчица. Душой, с рождения вписанной в семейную закладную, сосудом, который наполнится ужасной смертоносной силой, человеком, которому суждено убивать и разрушать, чтобы уравновесить ваш бескорыстный идеализм. Все вы платили вместе, и в один прекрасный день у этого самого ребенка появится шанс – шанс, не более, – подпрыгнуть и схватить с библиотечной полки книгу заклинаний, о которой вы просили во исполнение своей мечты о великодушии и свободе.

Я по-прежнему сидела, обхватив руками сутры, и бездумно водила пальцами по тисненному узору на коже. Я знала, что это нечаянная удача, совершенно незаслуженное везение; я просто цеплялась за них все крепче и не задавала вопросов. И вот теперь оказалось, что я платила за них всю жизнь, хотя заранее на это не подписывалась. Я платила за них в самую страшную минуту – когда мне пришлось столкнуться в библиотеке с чреворотом, с тем самым, который ждал среди шкафов, после того как я подпрыгнула и схватила сутры с полки. Так была уплачена последняя часть родительского долга.

Наверное, у меня был выбор. Я могла и не драться с чреворотом. Он бы уполз и убил несколько десятков новичков. Я могла отплатить за родительскую отвагу трусостью, обречь множество ребят на тысячелетние страдания и таким образом выправить баланс. Но я заплатила *своими* страданиями. Мне хотелось об этом забыть, но я помнила и вся дрожала, обливаясь холодным потом. Казалось, часть моего мозга до конца жизни будет находиться в брюхе чреворота и отчаянно вопить.

Вот почему я сказала Ориону, что мы не будем сражаться с Терпением, вот почему я даже не могла представить себе такую попытку. И... вероятно, поэтому он и вытолкнул меня

за ворота. Потому что я сказала ему, что мы не справимся – я не справлюсь, – и он решил снова меня спасти. От ужаса, с которым, как он знал, я не смела столкнуться. Может быть, Орион тоже был частью платы.

Я посмотрела на лежащие у меня на коленях сутры, за которые уплатили сполна. Я так их любила. Я собиралась выстроить на них собственную жизнь. Но оказалось, что даже это – все мои планы на будущее, мои мечты о золотых анклавах – я унаследовала, а не выбрала сама. Мне хотелось разозлиться; я имела полное право разозлиться.

Мама, пожалуй, тоже так думала. Она стояла передо мной в ожидании приговора. Она бы сказала: благое намерение не оправдание, если в процессе ты причинила вред другому. Нужно принять чужие боль и гнев, если хочешь восстановить утраченную связь. Но боли и гнева в ее адрес я в себе не находила. Мама и папа не предложили меня в жертву вместо себя – они оба заплатили дороже, чем я, а о моем существовании даже не знали.

Злиться я не могла, а что делать, не знала. До сих пор я не до конца в это верила. Нет, я не считала, что мама все выдумала – просто я не могла искренне поверить, что мама действительно это сделала. Иногда она причиняла мне боль, иногда злила меня. Я все детство докучала ей просьбами о переезде в анклав, и она отказывалась. Она не пошла бы на это даже ради спасения моей жизни, хотя, несомненно, пожертвовала бы своей, защищая дочь от злыдней. Но *так* мама поступить не могла. Не могла сделать меня приманкой для заклинания призыва без моего ведома и согласия. Скорее она бы сама себе вырвала сердце.

В целом примерно это она и сделала, однако ее горести не помогли бы мне совладать с собственными чувствами. Если плох не водитель, а тормоза, грузовик все равно тебя собьет; ощущение было такое, что какая-то звезда нарушила законы физики, чтобы уничтожить мою планету.

– Мне надо подумать, – сказала я, именно это и имея в виду. Думать я до сих пор не могла. Не могла осмыслить случившееся таким образом, чтобы в итоге что-то сделать, сказать или хотя бы почувствовать. Моя Прелесть вылезла из гнездышка, которое устроила себе возле моей подушки, и свернулась у меня на плече, такая утешительно-теплая, но толку от нее не было никакого. Я не нуждалась в утешении. Не страдала от горя. Я, скорее, забрела в горы без компаса и заблудилась.

Мама приняла это как сигнал к действию. Она сказала:

– Я пойду в душ, – и ушла.

Не знаю, хотела ли я этого, но окликнуть ее я не решилась. Поэтому мама ушла, и я осталась в юрте одна.

Дождь продолжался. Потолок нужно было починить – один из швов слегка подтекал. Мама обычно следила за порядком, но, в конце концов, последние четыре года она провела в непрерывных попытках выяснить, жива ли ее единственная дочь.

Я смотрела, как очередная капля медленно росла, прежде чем беззвучно плюхнуться на пол. Мама много лет пыталась научить меня медитации и обретению покоя. Мне никогда это толком не удавалось. А теперь я целых полчаса просидела, тупо глядя на дождевые капли, хотя покоя в процессе не обрела; голова гудела, до умиротворения было далеко.

Возможно, по инерции я бы просидела так еще месяц, пытаясь почувствовать хоть что-то. Но инерции не дали шанса.

– Так и есть, ты действительно торчишь здесь, в глуши, – сказал кто-то. – А я ведь ей не поверила.

Я даже не сразу сообразила, что со мной кто-то разговаривает. Никто не заходил побеседовать со мной; если кто-то заглядывал в юрту и не видел маму, то сразу удалялся, не сказав мне ни слова. Если мама была нужна срочно, у меня иногда спрашивали, где она, а я злобно молчала в ответ. Я не сразу поняла, что слышу голос Лизель. И лишь через несколько секунд я повернулась и уставилась на нее.

Она стояла на пороге юрты, глядя на меня. В последний раз я видела ее несколько дней назад, в воротах Шоломанчи, в школьных обносках, в которых мы все явились на выпуск. Теперь Лизель была в изящном платье до колена, будто заскочила ко мне по пути на вечеринку; вставки из чешуйчатой ткани на боках переливались словно жемчуг. Это были чешуйки амфисбены – те, которые добыл Орион в обмен на сделанное домашнее задание. Их покрывал тонкий слой серебра, в промежутках виднелись малахитовые бусины – уж конечно, не просто украшение. Светлые волосы Лизель блестели, как полированный металл. Они отросли сантиметров на пятнадцать и были уложены неестественно ровными завитками, которые падали на плечи, как на модной картинке сороковых годов. Лизель заработала себе место в лондонском анклаве – что вполне возможно для человека, который выпустился с отличием, – и, очевидно, лондонцы дали ей достаточно маны, чтобы прихорашиваться.

Поморщившись, Лизель стерла грязь, которая как будто сама собой пыталась заполнить на ее девственно-белые туфли, и вошла в юрту. Она огляделась с легким изумлением на лице (впрочем, оно перестало быть легким, когда она посмотрела на потолок, с которого по-прежнему срывались дождевые капли).

– Значит, ты живешь здесь? – поинтересовалась она.

– Что тебе надо? – спросила я вместо ответа.

За минувшую неделю даже горе и замешательство не помешали мне припомнить многочисленные причины, по которым я ненавидела юрту. Тем не менее делиться ими с Лизель я не собиралась. Не то чтобы эта девица мне не нравилась – к бульдозеру не испытывают симпатии и антипатии; более того, напористость фантастически полезна во многих обстоятельствах, например когда ты пытаешься организовать коллективное бегство пяти тысяч подростков от огромной толпы злыдней – а Лизель взяла командование на себя. Просто... с бульдозером не хочется вести душевных разговоров, особенно если ты подозреваешь, что он может тебя переехать.

– О чем ты вообще думаешь? – раздраженно спросила Лизель. – В Лондоне неприятности, и ты нам нужна.

Я не ответила, но, полагаю, на лице отразились все мои чувства, и главным образом – сильнейшая уверенность в том, что Лизель должна отвалить сию же секунду. Но в то же время мне было интересно, какие в Лондоне неприятности и зачем им нужна я. Вряд ли я могущественней, чем один из самых крутых анклавов в мире! И с какой стати Лизель решила, что меня заботят чужие беды?

Лизель нахмурилась, но потом снизошла до объяснений:

– Что бы ни случилось в Бангкоке, оно повторилось. Удар нанесли в день выпуска, одновременно по Сальте и Лондону, пока мы были в зале. Сальта полностью разрушена, двести волшебников мертвы. В лондонском анклаве наполовину снесло защиту. А ты сидишь тут в луже, – с отвращением добавила она.

Она преуспела в своей задаче – продемонстрировала мне, как глупо сидеть дома, вместо того чтобы пристально следить за последними новостями в международном магическом сообществе. Если вы думаете, что пропустили нечто важное, не беспокойтесь – с Бангкоком и Сальтой как таковыми ничего не случилось; если бы у меня был телевизор, в новостях не прозвучало бы ни слова о бедствиях в Лондоне. Анклавы обычно возникают и рушатся, не вызывая у заурядов никаких подозрений. Отделиться от обычного мира – в этом, как правило, и состоит основная цель анклава. Если устроить удобное и безопасное убежище в пустоте, реальный мир до тебя не дотянется, а значит, проще будет создавать внушительные артефакты вроде бронированного платья и избегать всяких неприятностей типа злыдней, которые пытаются сожрать твоих детей.

Впрочем, будем справедливы: если кто-то принялся уничтожать анклав направо и налево – это была очень важная новость с точки зрения большинства магов, даже моей. Я имела

существенные возражения против системы анклавов в целом и сама твердо решила не вступать ни в какой анклав, однако я отнюдь не одобряла безумного малефицера, который нарочно разрушал анклав по всему миру, обрекая более или менее невинных людей на гибель в пустоте или среди пылающих развалин.

Тем не менее это еще не означало, что я поспешу на помощь. Сидеть здесь, в уютной тихой юрте в лесу, казалось гораздо приятнее, чем вязываться в неприятности, хотя у юрты протекала крыша.

– Прости, но пусть Лондон сам о себе позаботится, – сказала я.

– Что, будешь порастать мхом вместе с этой халупой? – ядовито спросила Лизель. – Здесь тебе не место.

– Тебя кто-то спрашивал? – поинтересовалась я.

– Ко мне обратилась Лю, – ответила Лизель, приняв мой вопрос буквально, и широким жестом обвела юрту. – Иначе откуда бы я узнала? Мы все думали, что ты погибла вместе с Лейком.

Я уставилась на нее, чувствуя себя преданной; хотя, честно говоря, если целью Лю было найти человека, способного силой вытащить меня из ямы – и чтобы этот человек находился не на другом конце света, – она не ошиблась в выборе.

– Неужели она просила пригнать меня на помощь Лондону?

– Нет. Она сказала, что ты жива и торчишь в коммуне, где нет электричества и водопровода. Я и без нее знаю, что это глупо.

– Слушай, как тебе это удастся: ты хамишь людям, которых просишь об услуге – и они тебе помогают? – спросила я, хотя и без особого пыла: скорее я была искренне удивлена.

Лизель появилась в удачное время: я все еще не могла вызвать в себе гнев, поэтому, по большей части, меня впечатлила ее наглость. Я даже не представляла, что, по мнению Лизель, должна была сделать – разве что вынюхать малефицера по принципу «рыбак рыбака видит издалека».

– Я не прошу тебя об *услуге*, – сказала Лизель. – Сегодня утром через защиту проломился чреворот. Большой. Его пока удастся не пускать в зал совета, но долго они не продержатся. Как только он туда проберется – лондонскому анклаву конец. Никто не желает идти на помощь. Все боятся за себя. Ну? – воинственно закончила она, и внутренности у меня сжались в комочек, как тесто, которое мнут в миске.

Как бы я ни относилась к анклавам, но если бы лондонский анклав, один из самых больших и могущественных в мире, вместе со своими обширными запасами маны канул в брюхо чреворота, случилась бы настоящая катастрофа. Заполучив такую гигантскую трапезу, эта тварь могла достичь размеров Терпения. И, кем бы ни был малефицер, пробившийся сквозь защиту анклава, он, вероятно, тайлся где-то рядом, готовясь к следующему ходу. Какие прекрасные напарники. Что толку отказываться от исполнения пророчества, сулящего миру гибель и бедствия, если вместо этого я просто постою сложа руки, позволив двум чудовищам выполнить всю работу за меня.

Но, конечно, особого побуждения я не почувствовала. Мне совершенно не хотелось сражаться с чреворотом. Я бы сделала это, чтобы спасти Ориона, но вовсе не собиралась превращать убийство чреворотов в повседневное занятие. Все абстрактно боятся, что их сожрет чреворот, а я этого боюсь на основании личного опыта. Насколько мне известно, я второй из ныне живущих волшебников, который побывал внутри чреворота и уцелел (первым был Господин шанхайского анклава).

Но... но я все-таки выжила, а чреворот нет. Я убила его в одиночку, и в этом меня еще никто не превзошел. Даже в полулегендарной краковской истории понадобился круг из семи человек, а в Шанхае трудилось в общей сложности сорок магов, дружно собиравших ману. Более того, я убила *двух* чреворотов. Второй, совсем маленький, забрался в школу во время

выпуска, привлеченный заклинанием приманки, и Лизель видела, как я с ним расправилась. Вот почему она пришла, чтобы позвать меня на помощь.

Это был откровенный стимулирующий пинок. Лизель вытягивала меня из колеи, в которой я засела.

– Какое шикарное предложение, – сказала я, пытаюсь от нее отделаться. – Именно то, о чем я мечтала. Рисковать жизнью, сражаясь с чреворотом на благо лондонского анклава. А с чего совет решил, что я соглашусь?

– Мы не спрашивали его мнения, – ответила Лизель. – Думаешь, у нас было время на обсуждения? Мы приехали к тебе сами.

– Кто «мы»?

– Я, Элфи и Сара. Я велела им подождать, – Лизель раздраженно махнула рукой в сторону входа. – Какая разница? Хочешь договор об оплате? Все равно ничего не получишь, пока чреворот там. Или ты намерена всю жизнь прожить отшельницей, потому что Лейк погиб? Не будь дурой! Кто-то всерьез принялся за уничтожение анклавов. Чреворот вот-вот погубит лондонский анклав. Некогда сидеть и плакать. Орион бы так не поступил.

Я в гневе вскочила, чудом не стукнувшись о потолочные опоры, но Лизель просто скрестила руки на груди и посмотрела мне в лицо, не отступив ни на шаг. Злая и умная, как всегда. Я даже не могла возразить. Будь Орион жив, он наверняка бросился бы на помощь лондонцам. А он был бы жив, если бы я повела себя иначе, если бы не запаниковала при встрече с чреворотом, если бы заставила Ориона бежать.

Я ничего не сказала Лизель. Она была права, но все-таки я бы с огромным удовольствием ей врезала. Так или иначе, она поняла, что победила. Коротко кивнув, Лизель развернулась и вышла из юрты.

Некоторое время я стояла одна, слушая неровный стук капель. Повернувшись, я посмотрела на лежащие на кровати сутры. Обложка глянцевого поблескивала в тусклом свете. Я нагнулась, осторожно убрала книгу в шкатулку и замерла, держа ее в руках.

Вместе со мной сутры пришли сюда, к тому, кто их когда-то призвал... только мама ничего не сумела бы с ними сделать. Это были не исцеляющие заклинания. Финальное заклинание требовало столько маны, что вряд ли кто-нибудь смог бы его наложить, кроме меня.

А мне что было с ними делать? Ответа я не знала, но, наверное, не стоило тащить их в Лондон, где предстояла битва. Честно говоря, меня уже подмывало поехать. По крайней мере, можно было не принимать никаких решений прямо сейчас.

– Я оставлю тебя с мамой, – сказала я книге, поскольку привыкла с ней разговаривать. – Она позаботится о тебе, пока я не вернусь.

При других обстоятельствах я бы сказала гораздо больше – я бы долго хлопотала над сутрами, объясняла им, как мне жаль оставлять их даже на минуту, делилась планами... что угодно, лишь бы они не исчезли. Но в ту минуту я ничего этого не могла. Если они исчезнут – значит, больше не придется ломать голову. Я не хотела, чтобы они пропали, но энергии у меня хватило только на пару фраз. Напоследок я коснулась обложки, закрыла крышку и поставила шкатулку в сухое место.

Затем я написала маме записку на клочке бумаги: «Лондонский анклав в беде, я иду на помощь». И чуть не поставила на этом точку. Это была бы достойная месть за «Остерегайся Ориона Лейка». Я по-прежнему мучилась при мысли о том, что никто, кроме меня, не жалел о нем как о человеке – только как о воплощении силы.

Больше всего мне хотелось написать маме длинное, типично подростковое послание, полное упреков. Она посмела упрекнуть Ориона после того, что наделала сама. Я могла бы собрать воедино все свои горести и потоком раскаленной лавы излить их на страницу.

Но я не решилась так поступить с мамой, хотя мне отчасти казалось, что я обязана этим памяти Ориона. Я долго стояла над своими каракулями, мрачно размышляя и упиваясь фантазиями о мести, а потом дописала: «Скоро вернусь. Люблю тебя. Эль».

Когда я повернулась к двери, Моя Прелесть сидела прямо на пороге, светясь белым на фоне дождевого неба и многозначительно глядя на меня.

– А тебя тем более бессмысленно брать в бой, – заметила я, но мышка подбежала ко мне, взобралась на ногу и влезла в карман.

Я сунула туда руку, и она свернулась на ладони – маленькая, теплая и решительная.

– Ну ладно, – сказала я.

У меня не хватило духу вытащить ее и оставить дома.

Лизель в нетерпении стояла на грязной дорожке, под артефактом, который защищал ее от дождя, притворяясь зонтиком во имя психического здоровья заурядов. Он закачался над нами, и мы зашагали вниз с холма. Ни одна капля не пробивалась сквозь защиту.

Элфи и Сара ждали внизу, у центральных домиков, изо всех сил стараясь обаять местных обитателей. Оба нарядились с непрактичной роскошью – так одеваются люди, которые редко выходят из машины. Они стояли неестественно прямо и натянуто улыбались. Поначалу я думала, что они просто перегибают палку, стараясь произвести наилучшее впечатление на заурядов. Элфи и Сара, вероятно, ни разу за всю жизнь не высовывали носа в реальный мир. В присутствии заурядов трудно накладывать чары и пользоваться артефактами, а членам анклавов это, наверное, еще труднее – ведь они тратят ману даже на защиту от дождя, хотя зонтик справился бы ничуть не хуже.

Когда мы появились, Элфи стремительно повернулся ко мне, и я поняла: он держится из последних сил и весь буквально дрожит от напряжения.

– Эль, я так рад тебя видеть, – сказал он, и в его голосе послышались нотки, которые могли сойти за легкое удивление; на самом деле он был в двух шагах от настоящей истерики, грубой и безобразной. – Лизель тебе все сказала? Простите, что похищаем ее вот так, – улыбаясь, обратился он к Филиппе, стоящей среди заурядов, которых он обхаживал.

Точно так же в Шоломанче Элфи прошел бы мимо стола, за которым сидели неудачники, чтобы по пути прихватить меня с собой. В прошлом он уже пытался это со мной проделать – без особого успеха, но для членов анклава это типичный метод, так что хватки Элфи не утратил.

Филиппа охотно пришла ему на помощь. Она бросила на меня недоверчивый взгляд – как, эти расфуфыренные молодые люди явились за *мною*?! – и сказала:

– Не беспокойтесь, мы переживем.

Прозвучало это с легким презрением, как будто Филиппа была невысокого мнения о вкусе Элфи. Наверное, она бы только обрадовалась, если бы он вывалил меня в попутную канаву.

Элфи небезосновательно предположил, что я не жажду общества Филиппы. Он живо повернулся ко мне и галантно протянул руку. Я с досадой взглянула на него, но сила пока была на его стороне. Я, в конце концов, пришла сюда. К чему было утруждаться, если я не собиралась ехать? И я поехала.

Машина ждала на стоянке и выглядела так же странно, как они сами. Настоящие мажоры-зауряды, которые частенько навещают коммуны, приехали бы на джипе, в джинсах и чистых кедах. А машина Элфи изо всех сил прикидывалась чем-то средним между гоночным автомобилем начала XX века и гангстерским лимузином тридцатых годов. У нее был нелепо длинный выпуклый капот, а в салоне разместиться с удобствами, казалось, мог только один человек.

Но дверь открылась, и мы влезли внутрь вчетвером, не испытывая никаких затруднений. Я не хочу сказать, что мы внезапно оказались в Нарнии. Свободное пространство нельзя создать с нуля, сколько бы маны у тебя ни было, и даже если удастся отхватить кусочек пустоты

– которая, как известно, безгранична, – пребывание в ней для живого человека малопривлекательно. Анклавы обычно ограничиваются тем, что покупают большие здания по соседству, когда хотят расширяться, и пользуются дополнительным местом для внутренних нужд, однако чем дальше простирается реальное пространство, тем дороже вбирать его в анклав. Даже лондонский анклав не стал бы тратить уйму маны на создание артефакта, способного куда-то перенести мага и удержать его там, как бы далеко он ни отошел от машины.

Дополнительное пространство в автомобиле получалось за счет увеличенного капота, под которым не было мотора. Сидя внутри, я по-прежнему находилась в салоне – необыкновенно аккуратном, с отполированными до блеска медными деталями и необыкновенно чистыми кожаными сиденьями. Одно из них было откинута для меня, наводя на мысль, что остальным придется потесниться. Строго говоря, нам всем пришлось потесниться, и свободное местечко доставалось каждому по очереди – всякий раз, когда мозг начинал это замечать.

Элфи сел последним и закрыл за собой дверь. Машина тут же тронулась, взревев, как реактивный самолет, словно сообщая внимательным заурядам: «Да, у меня есть мотор, вот видите, самый настоящий мотор, который меня движет». Как только мы въехали в заросли и скрылись из глаз, рев затих, и мы покатали дальше в полной тишине. Краем глаза я видела, как сплошной полосой мелькают за стеклом пейзажи. Я посмотрела в окно только раз, спустя минуту после начала движения, и обнаружила, что мы уже едем по незнакомым местам. Машина, очевидно, неслась с невообразимой скоростью. Вероятно, этой цели служил древний дизайн: увидеть что-то сквозь крошечные окна было нелегко.

– Вы успеете объяснить мне, что стряслось? – спросила я, отводя взгляд, чтобы не мешать машине.

– Если бы мы сами знали... – буркнула Сара.

Она тоже прихорошилась после школы – волосы заплетены в десятки косичек, украшенных золотыми цепочками, тело окутывал развевающийся зеленый шифон, откровенно расшитый золотыми рунами; разумеется, подол не путался в ногах, не пачкался и не намокал. Сара была напряжена не меньше, чем Элфи, однако посматривала в мою сторону с таким видом, словно подозревала, что они угодили из огня да в полымя.

Но тут вмешался Элфи и достал самую неприятную для меня – или, наоборот, самую приятную – вещь. Разделитель маны. Он был гораздо изящнее, чем те, что я видела в школе, – шелковый браслет с тонкими платиновыми вставками, покрытыми каким-то радужным веществом; в центре каждой пластинки поблескивал крошечный необработанный опал. Как и большинство таких штук, на публике разделитель мог сойти за часы. У него даже был круглый черный циферблат, похожий на изящный электронный экран в изысканной старинной оправе, только ни одна фирма еще не овладела тайной пустоты – а за стеклом была именно она. Идея носить с собой маленькую черную дыру вызвала у меня противоречивые чувства; и все же я взяла разделитель, стараясь не желать его всей душой. Но без особого успеха: я вцепилась в браслет, едва Элфи мне его протянул. Я чувствовала на другой стороне силу – всю силу, которая лежала в обширном и древнем лондонском хранилище, без единой преграды на пути.

– Недавним выпускникам предлагают безлимитный тариф? – поинтересовалась я внешне бесстрастно, надевая разделитель. Он застегнулся сам собой. Поток силы, который я ощутила в Шоломанче, теперь казался жалким ручейком.

Элфи неотрывно смотрел на браслет.

– Его дал мне отец, – негромко и напряженно сказал он.

Как правило, первое, что ты делаешь, выбравшись из школы, – жрешь как не в себя. Но Элфи еще не успел поправиться; острые скулы по-прежнему выпирали из-под кожи.

– Это фамильная ценность... – он замолчал и в отчаянии посмотрел на меня. – Лизель сказала тебе, что там чреворот?

– Я не понимаю, почему ваш совет бездействует. Магический круг в состоянии убить чреворота! Если с этим справлялись другие, справится и Лондон.

Ну ладно, единственный зафиксированный в новейшей истории случай произошел в Шанхае, и в процессе гибели несколько магов, но, учитывая альтернативу, попробовать стоит, верно?

– Они борются! Думаешь, мы совсем идиоты? – резко спросила Сара. – Не надо объяснять нам то, что любой дурак может прочесть в популярном журнале. – Она, похоже, нарывалась на ссору, и я бы охотно оказала ей услугу, но Лизель поспешила прочесть мне лекцию:

– Это не просто чреворот, который взялся непонятно откуда. Думаешь, чревороты регулярно нападают на большие анклав – полные магов, сильные, хорошо охраняемые? Нет, они не настолько глупы. Я же сказала – сначала на анклав напал кто-то еще. Не будь лондонский анклав таким старым и мощным, его бы уничтожили, как Сальту и Бангкок. В Сальте не просто рухнула защита – обвалился весь анклав. Лондонский не обрушился, но все-таки понес большой урон. Установленные каналы маны разорваны! Разве ты не понимаешь, что это значит?

Честно говоря, я ничего не понимала, и, судя по лицам Элфи и Сары, им тоже не доставало ясности. Никто из нас не был туп; просто ребята, которые выпускаются из Шоломанчи с отличием, находятся как бы на другой волне. Я сильно подозреваю, что знаю минимум десяток заклинаний, способных полностью разрушить каналы маны, но из всех сил стараюсь не думать о чарах такого рода.

– Видимо, случилось что-то скверное, – сухо отозвалась я. – Можно подробности?

– Нет, – сказала Лизель. – Сама почувствуешь. – Она указала на разделитель у меня на запястье.

Поначалу я не ощущала ничего, кроме бесконечной силы и огромного соблазна; но стоило коснуться кончиками пальцев черного циферблата и, закрыв глаза, немного потянуть – о, как мне хотелось высосать побольше – я сразу это почувствовала. По ту сторону стеклышка лежал бесконечный океан маны – и он бушевал. Тридцатиметровые волны вздымались и рушились, превращаясь в водовороты.

– Видишь? – спросила Лизель, когда я открыла глаза. – Очевидно, пострадали основания анклава. Малефицер каким-то образом их повредил и добрался до хранилищ маны.

Вполне логично. Даже самый злобный малефицер на свете не станет впопыхах завязывать драку с целым анклавом. Но если каким-то образом он доберется до хранилища маны... о да. Чем больше, тем лучше.

– Вероятно, он предпринял атаку на основание – то место в пустоте, на котором выстроен анклав. Такой удар неизбежно отразится на всем анклаве, все спутает, помешает работать артефактам и защитным чарам, – объясняла Лизель, помахивая руками, как будто плескала водой из ведерка. – Потом малефицер может ударить по хранилищу маны и украсть сколько вздумается, пока в анклаве паника и хаос. Лондонский анклав не обрушился, потому что он достаточно стар и велик – у него не одна точка опоры, – но тем не менее на починку уйдет не один месяц. И как назло...

– ...на вас напал чреворот, – договорила я.

Сара меж тем успела немного остыть.

– Трое волшебников пытались с ним сразиться, один за другим. Их поддерживал круг, – сказала она гораздо сдержаннее. – Они погибли, все трое, и большая часть круга тоже. Кажется, больше десяти старших магов.

– Тебе *кажется*?

– Нормальные советы в это время никто не проводил! – ответил Элфи. – Мы знаем только, что первые три попытки не удались... и времени осталось только на одну. – Голос у него задрожал. – Сегодня анклав собрал три полных круга. Они возьмут столько маны, сколько смогут удержать, и попытаются избежать полного разрушения. Но... но Лизель думает...

– Ничего не выйдет, – коротко сказала та. – Наверняка ничего не выйдет. Они пытались уже трижды и каждый раз не продержались и дня. В Шанхае ушло несколько недель, чтобы добраться до сердцевины чреворота, а потом одна ошибка – и конец. Щит на мгновение слабеет, чреворот тут же ломает его и осушает круг. Если собрать три круга, маг продержится чуть дольше, но все равно не успеет пробиться до сердцевины.

Элфи сглотнул и сказал, не глядя на меня:

– Мой... папа... пойдет туда. Он вызвался сам.

– Не хотелось бы его потерять, – покачала головой Лизель.

– А потерять меня, значит, вам не страшно? – кисло спросила я.

Мне совершенно не было жаль Элфи и его папу.

Лизель фыркнула:

– Ты убила чреворота в выпускном зале за пять минут, взяв ману у толпы глупых перепуганных подростков.

– Он был размером с пони! Почему-то мне кажется, что чреворот, который прикончил десяток старших магов из лондонского анклава, будет чуть больше!

– И что? – презрительно спросила Лизель. – Шансов у тебя больше всех. Неужели ты не хочешь попробовать?

Я злобно уставилась на нее, потому что выбора мне не оставили, но выражение моего лица, очевидно, можно было истолковать неправильно. Элфи, подавшись вперед, схватил меня за руку и полным отчаяния голосом сказал:

– Эль... я не знаю, чего ты хочешь и что я смогу сделать... как мы все с тобой расплатимся, но... я попробую. Я что-нибудь придумаю. Если совет анклава тебя не удовлетворит, это сделаю я. Мое слово и моя мана.

Это было глупо и старомодно, но в высшей степени серьезно. «Мое слово и моя мана» – полноценное заклинание, если произнести его искренне. Оно так же действенно, как, скажем, открытый призыв, когда человек ставит на кон все, что имеет, чтобы получить желаемое, – с той разницей, что Элфи нужна я. И чтобы этого добиться, он заранее обещает любую цену, которую мне будет угодно назначить за убийство чреворота.

Я с невероятным раздражением взглянула на него. Если лондонский анклав не заплатит как положено – к сожалению, я сама не знала, чего хочу, не считая невозможного, например живого Ориона, – вероятно, Элфи в попытках расплатиться придется буквально ходить за мной по пятам до конца жизни. Не стоит обещать злой колдунье что угодно в обмен на ее помощь – именно так некоторые малефицеры обзаводятся верными рабами, которые им слепо служат. Просто великолепно: Элфи из лондонского анклава тащится за мной на поводке. Хочу я того или нет.

– Не давай дурацких обещаний, – резко ответила я. – Я пойму, чего хочу, когда посмотрю на эту тварь. Далеко загадывать не будем.

Сложив руки на груди, я угрюмо откинулась на спинку сиденья, полная яростной решимости покончить с этим делом, и все.

– И еще кое-что... – начала Сара, но опоздала: машина, качнувшись, остановилась у громадного обшарпанного дома.

Мы вылезли. Перед нами был уродливый, похожий на ящик особняк, который мог сойти за торговый центр, если бы строители не прилепили спереди поддельный греческий портик, очевидно решив, что они реконструируют Парфенон. Другие строители, не посоветовавшись с первыми, с чего-то взяли, что здесь стоит красивый дом, и окружили его по периметру внушительной стеной, увенчанной шипами и очаровательными фестончиками из колючей проволоки вперемежку с камерами наблюдения. Во дворе торчал заглухший фонтан, подъездная аллея заросла мхом и сорняками, всюду валялись битые бутылки и куски пластика. Вдобавок воняло гнилью, мочой и крысами.

По меркам анклав – просто великолепно. Не считая сотен огромных квартир по всему городу, лондонский анклав, вероятно, владел шестью или семью такими домами в одном районе – обреченными на снос зданиями и заброшенными складами, надежно погребенными под кипами бумаг в муниципалитете. Никто сюда не сунется, а если и сунется – соседи-зауряды сами вызовут полицию, избавив анклав от забот.

Это значит, что анклав может спокойно использовать пустыри, комнаты, заброшенные участки. Маги встраивают их в анклав и реорганизуют для собственных надобностей, поскольку пустота пластична – ну, как если бы человек окинул взглядом свою квартиру и решил, что сегодня он перенесет тридцать метров из гостиной на кухню.

Если какой-нибудь зауряд сунет нос в эти развалины, он увидит ровно столько, чтобы не заметить ничего подозрительного; а если этот псих задержится, невзирая на поскрипывание гнилых досок и таинственные завывания ветра, в то время как дом вокруг него колеблется между реальностью и пустотой, не исключено, что какой-нибудь голодный злыдень, бродящий вокруг анклава, расправится с ним ночью, в колдовские часы, когда даже зауряды верят в волшебство.

Элфи обогнул дом и повел нас через сад по дорожке, вымощенной шестиугольными каменными плитами. Я не стала их пристально разглядывать, но на них были вырезаны какие-то руны. В дальнем углу сада, в густой тени, стояло небольшое каменное здание, нечто вроде склепа на одного. Когда мы приблизились, плиты дорожки начали слегка подаваться под ногами, земля, казалось, сделалась болотистой; то же тошнотворное ощущение исходило и от разделителя маны. Что-то и впрямь случилось. Элфи помедлил, поставив ногу на следующий камень – тоже почуяв неладное, – а затем упрямо двинулся дальше.

Двери не было, только болтающиеся петли, а за порогом – узкая пустая комната с единственным окном и битыми бутылками на полу (ясный намек, что делать тут нечего, если не хочешь изрезать ноги).

– Отвернитесь, – сказал Элфи, и мы подчинились, а потом повернулись и увидели дверь, которая ждала нас, – толстую, сделанную из древнего темного дерева. Дверной молоток был в виде кабаньей морды с кольцом в пасти, а посередине торчала массивная бронзовая ручка.

Я разглядела нацарапанные на дереве руны, скрытые среди извилин и трещин – древнеанглийские защитные чары. Я три года в школе читала на древнеанглийском и теперь узнала то абсолютно бессмысленное заклинание, которое нашла в среднем классе, – защиту против шторма. Вероятно, эти доски взяли с какого-то старинного зачарованного корабля. Артефакты, как и все на свете, постепенно изнашиваются со временем, но если взять нечто очень прочное, за чем хорошо ухаживали, потратить массу сил на восстановление и дополнить изначальную магию новыми слоями заклинаний, имеющими сходный смысл, можно получить гораздо более могущественный предмет, чем если начать с нуля. Почти наверняка никто, питающий враждебные намерения к анклаву, не сумел бы проникнуть за эту дверь.

Замок щелкнул от одного прикосновения пальцев Элфи, но дверь не желала открываться – пришлось упереться плечом и нажать, и тогда она подалась, даже слишком быстро. Элфи качнулся вперед, а Лизель мгновенно выстрелила заклинанием-копьем через его голову и рассекла притаившегося за дверью грюма на две аккуратные половинки, верхнюю и нижнюю.

– Да, защита правда перестала работать, – сказала я, разглядывая аккуратный разрез посередине грюма.

Тварь уже успела поохотиться. Внутри находились чьи-то неопознаваемые останки в процессе переваривания, в том числе несколько пальцев с ногтями. Сару чуть не стошнило. Хотелось бы мне сказать, что я привыкла к разным ужасам, сражаясь в одиночку со злыднями в Шоломанче, но, к сожалению, я уже родилась привычной, во всяком случае с иммунитетом к базовому уровню насилия.

Я отвела взгляд от подергивающегося туловища грюма. Когда все мы отвлеклись, дверной проем – сам по себе артефакт – не упустил возможности сомкнуться. Без предупреждения, не успев даже сделать последний шаг, я внезапно оказалась внутри лондонского анклава – и к этому у меня уж точно не было привычки.

Я читала про лондонский анклав, даже видела иллюстрации в библиотеке Шоломанчи. Но это все равно что нарисованное дерево по сравнению с деревом настоящим, где торчат ветки, и шелестит листва, и пахнет древесиной, и кора шершавая, и ветер дует, и вокруг растут тысячи других деревьев, и в них нет ничего особенного, просто деревья, и твое дерево – тоже просто дерево. Картинка может быть хороша сама по себе – как плоское изображение – с точки зрения содержания и композиции, но она не имеет ничего общего с *реальностью* дерева.

Мы (и останки грюма) находились на скалистом выступе утеса, похожем на террасу, под которой простирался обширный, непрерывно колеблющийся сад. Что-то вроде громадной оранжереи, только потолка я не видела. Впрочем, это не походило ни на оранжерею, ни на сад, ни на лес. Скорее на рисунок сада из волшебной сказки, где цветы, лозы и деревья неизмеримым образом громоздятся друг на друга, цветут все одновременно и вечно, блаженно игнорируя природу.

По скале рядом с нами с журчанием тек небольшой водопад, пропадая под нашим карнизом и появляясь вновь на другой стороне, чтобы перескочить на следующий выступ, едва заметный сквозь качающиеся ветви. Я мельком увидела стол, на котором стояли пустой серебряный графин, узкие бокалы и поднос, накрытый крышкой; все это намекало, что достаточно повернуть за угол, чтобы оказаться там, и к твоим услугам будут еда и питье, какие пожелаешь. Мы были совсем одни, но за поворотом, казалось, шла вечеринка – если напрячь слух, сквозь шум водопада долетала музыка.

Над нашей террасой был кованный кружевной навес, увитый лозами, с которых свешивались желтые цветы; на столбах, поддерживающих навес, висели лампы витражного стекла, похожие на бутоны. Две лестницы вели вниз в разных направлениях: одна, узкая, с истертыми каменными ступенями, проходила меж двух громадных валунов, а другая, витая, железная, спускалась с середины площадки, и от нее ответвлялись две тропинки, каждая из которых сулила какие-то потайные места, скрытые за пологом ивовых ветвей, лоз и густой зелени. Скалистый склон над нами выступал, как стрела подъемного крана, и его покрывали цветы и деревца, а высоко над ним проблесками виднелась крыша оранжереи, явно созданная человеком, которому ботанические сады в реальном мире казались слишком маленькими и скудными. Миллионы треугольников витражного стекла в тонкой железной оправе, словно покрытых легкой изморозью, создавали впечатление, что за ними – небо. Открытое небо, солнце на котором только начало клониться к вечеру. Очевидно, наверху висели огромные кварцевые лампы, позволяющие всей этой зелени расти, однако их притушили или совсем выключили.

Неподалеку зажглись несколько небольших фонарей, похоже, ради нас, но даже они горели тускло и с трудом. Не только в освещении было дело: чем дольше я стояла там, тем сильнее чувствовала – до осязаемости, до полной уверенности, – что анклав начинает гибнуть. Лизель не ошиблась – это можно было почувствовать. Что-то произошло в самих недрах. То, что удерживало анклав в пустоте, осыпалось и рушилось, как заброшенный особняк на той стороне.

И мне хотелось спасти этот волшебный сад. Я ничего не могла с собой поделать, хотя, посмотрев на лежащее передо мной чудо, сразу поняла, что мама была права. Пока что я не ощущала малии, которая, по ее словам, составляла часть любого анклава; тошнотворное предощущение гибели было слишком сильно, оно все заслоняло. Но не обязательно было это чувствовать, чтобы точно знать. Обладая сутрами, я уже имела некоторое представление о том, что можно сделать с их помощью – я обзавелась собственной волшебной дверью в убежище. Ничего подобного лондонскому анклаву я бы строить не стала. Компания целеустрем-

ленных волшебников, действующих сообща, с энергией конвейера, которая сильнее магии, может сделать многое – но нельзя выстроить в пустоте волшебный город или роскошный дворец и зажечь новое солнце исключительно для себя и своих друзей. В лондонском анклаве состояло несколько тысяч магов, но понадобилось бы в десять раз больше, чтобы создать этот сад и поддерживать его в должном виде. Конечно, они не могли обойтись без малии.

И продолжали ею пользоваться, разумеется: пользоваться малией, которая вовсе не выглядит как малия. Большинство волшебников, работающих на лондонский анклав, вероятно, жили в пределах часа езды от ближайшего входа, чтобы не сталкиваться со злыднями, которые постоянно ошиваются вокруг в попытках добраться до маны. Они тратили время и силы, обеспечивая анклав красоту и мощь, а потом плелись домой и получали скудную плату обыкновенными деньгами, небольшой магический паек и надежду, вечную мучительную надежду, что однажды им предложат остаться. Что хотя бы их детям предложат остаться. Это не та малия, от которой магу делается плохо: члены анклавов не вытягивали ману насильно из тех, кто на них трудился, и не сталкивались с яростным сопротивлением. Они нашли гораздо более безопасный способ получать необходимый ресурс. Как делали их отпрыски в Шоломанче, высасывая энергию и труд у неудачников, чтобы самим выбраться и вернуться домой.

Мне хотелось врезать Элфи по его унылой физиономии за то, что он меня в это втянул – он, Сара и Лизель, которая сама некогда была одиночкой, но предпочла вскочить в шлюпку, как будто не видела ничего плохого в том, что члены анклавов делали с остальными. В результате она смогла проникнуть в волшебный сад.

А еще мне хотелось бродить по этому саду целый месяц, целый год; мне хотелось пройти по всем дорожкам, изучить все укромные уголки. Попробовать содержимое серебряного кувшина – наверняка оно восхитительно. Взобраться на вершину покрытого зеленью утеса, пройти вдоль водопада, проникнуть в тайный мир пещер...

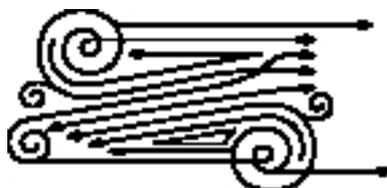
Это место совсем не походило на школьный спортзал. Он был ложью, имитацией реального мира, в который мы не могли выйти и который имели шансы больше никогда не увидеть. А этот сад не лгал. Он представлял собой волшебную сказку, которая и не притворялась реальностью. Нечто идеально красивое, на самом деле и не существующее. И я знала: если лондонский сад сгинет под волнами, я буду плакать так же горько, как члены анклава. Я даже не запомню его как следует. Он навсегда останется у меня в памяти как размытый образ, нечто, что я буду тщетно пытаться возродить перед глазами.

Я злилась на лондонцев за все, что они сделали ради возведения анклава, но в то же время не могла повернуться и уйти, позволив ему рухнуть. Это ведь не исправило бы того, что они натворили. Потраченные силы пропали бы зря. А может быть, я просто оправдывалась перед собой за желание спасти волшебный сад; может быть, во мне говорила жадность. В конце концов, после спасения анклава вряд ли мне запретили бы гулять здесь в свое удовольствие. Они бы побоялись отказать.

Элфи, Сара и Лизель стояли и смотрели на меня с надеждой, видимо, понимая, что мне тут нравится. В конце концов, анклав – это мощная приманка. И она сработала, и оттого было еще досаднее.

– Куда идти? – коротко спросила я.

– Чреворот в зале совета, – ответил Элфи.

Глава 3

Старые стены

Элфи повел нас по узкой лестнице меж камней. Закончилась она в странной маленькой лощинке, окруженной валунами выше нашего роста. Впереди высилась мраморная стена, в которой была дверь как в старинном храме. Притолоку поддерживали две статуи, изображающие людей в капюшонах; они стояли, склонив головы так, что лиц не было видно. Мужчина держал открытую книгу, а женщина – кубок. Это, конечно, тоже был защитный артефакт. Когда я проходила мимо статуй, мне показалось, что мужчина оторвался от книги и взглянул на меня. Но поскольку первым шел Элфи, стражи беспрепятственно пропустили нас в просторный тусклый двор.

Я думала, что увижу нечто пышное и величественное. Под ногами у нас был выложенный мозаикой пол, вдоль комнаты тянулся бассейн, окруженный статуями, в дальнем конце виднелся фонтан. В стеклянном потолке над головой должна была быть иллюзия неба – она наверняка казалась полной, если смотреть на отражение в воде, – но сейчас вместо нее чернела пустота. В неподвижном и темном бассейне ничего не отражалось. Из фонтана время от времени падали капли словно из текущего крана, и каждый раз звучало неестественно громкое эхо. Здесь, вероятно, находилась самая старая часть анклава, которую выстроили, когда Лондон еще только начал становиться городом; этот зал, очевидно, должен был наводить на мысль о славе Рима. Но выглядел он как Помпеи незадолго до извержения: тонкий слой пепла уже лег и становился все гуще.

В дальнем конце зала виднелось возвышение со столом и стульями, похожее на скамью присяжных в зале суда. Видимо, так устроили, чтобы собрание высокопоставленных членов анклава могло смотреть сверху вниз на явившегося на аудиенцию. Здесь они, несомненно, принимали всякую мелочь, полных отчаяния просителей, приходящих в надежде получить место в анклаве. Я сердито взглянула на пустой помост; во мне закипал гнев, хоть я и пришла на помощь. Если сад был волшебной сказкой, то здесь разворачивалась другая история – сказка, в которой дети не возвращались домой, а злые волшебники, улыбаясь, ели похлебку из костей.

Все двери из зала вели в темноту, слабо намекая, что на той стороне тоже что-то есть. Элфи некоторое время колебался, а затем вздохнул и шагнул к двери слева – я могла лишь надеяться, что им движет уверенность, а не слепая надежда. Я последовала за ним, все еще кипя, и оказалась в бесконечном коридоре с колоннами, от которого по обе стороны отходили темные туннели, а иногда попадалась крошечная, как келья, комната, даже меньше, чем наши спальни в Шоломанче – верх роскоши в былые дни. С третьего века стандарты явно изменились.

Я практически ничего не видела. На стенах висели плашки, но почти все они потухли, только несколько свечек еще мигали – достаточно, чтобы идти не спотыкаясь. Наши тени бешено плясали на стенах, нависая над нами и колеблясь. Коридор тянулся и тянулся; даже если бы это здание было размером со стадион, он уже должен закончиться. Наверняка он удлинялся от нашего волнения. Из боковых коридоров доносились далекие голоса – слова разобрать не удавалось, но в них слышались тревога и страх. Я по-прежнему ощущала под ногами тошнотворное колыхание маны, и гнев мало-помалу вытекал из меня, пока не иссяк. Остался лишь тягостный холодный ужас.

Все инстинкты, доведенные школой до совершенства, говорили, что за каждым поворотом таятся злыдни. Тревога еще усиливалась по мере того, как мы шли, но никто на нас не нападал. Это могло значить лишь одно: впереди караулит нечто худшее, например чудовище, который питается другими злыднями, и нужно прогулять урок и засесть в библиотеке. В дан-

ном случае это было абсолютно верное ощущение: мы прекрасно знали, что за тварь нас ждет. Страшнее не придумаешь. И мы устремлялись прямо к ней, приближаясь с каждым шагом. Другие тоже это понимали; я слышала их хриплое дыхание, которое в узком коридоре казалось очень громким. И тут я сообразила, что слышу не только *наше* дыхание.

В следующее мгновение это поняли все. Элфи остановился. Бормотание, доносившееся из лабиринта коридоров, зазвучало яснее. Вскрики, плач, тяжелые всхлипы. Послышался женский крик: «Помогите, помогите, ради Бога!» Пронзительный вопль длился всего секунду, но жуткое эхо донеслось до нас через полдюжину дверей. Это была недавно проглоченная жертва, если у нее еще хватало сил вопить. Сара, стоя позади меня, с трудом вздохнула; обернувшись, я увидела в потемках, что она стоит, зажав рот ладонью, и ее темные глаза полны непролитых слез.

Она взглянула на меня.

– В выпускном зале ты вытащила парня прямо из пасти чревворота, – сказала Сара чуть слышно, и в ее голосе прозвучала униженная мольба. Я бы предпочла враждебность.

– Его еще не до конца проглотили.

– Но...

– Нет, – коротко сказала я, однако Сара продолжала смотреть на меня, и ее лицо дрожало, как желе. Она не решалась мне поверить. – Фарш обратно не провернешь.

Сара резко отвернулась, словно не желала этого слышать – но зачем тогда вообще спрашивать?

– Пошли, – велела я Элфи.

Лицо у него было бледное и болезненное, но он тут же собрался с духом, расправил плечи и зашагал дальше по коридору.

Голоса становились все громче и громче. Элфи шел твердо и решительно, а вот я бы уже не отказалась немного притормозить. Я не сомневалась, что этот чревворот больше того, которого я убила во время выпуска; в кои-то веки я бы отнюдь не обрадовалась своей правоте. Эта тварь *должна* оказаться страшнее той, в библиотеке. Я слишком хорошо помнила звуки, которые она издавала, – негромкое тяжелое дыхание в тишине, среди темных шкафов. Тот чревворот протиснулся в школу через вентиляцию, и все равно он был невероятно, чудовищно огромным.

Я не смогла бы пробыть внутри долго. Он выжег девять моих кристаллов с маной, целое состояние для меня; но там, в Шоломанче, Элфи, взглянув на мою коробку с кристаллами, вежливо улыбнулся бы и спросил: «Ух ты, Эль, ты сама их все наполнила?» Там Сара носила бы полдюжину таких кристаллов в качестве брелоков. Я так энергично черпала из них силу, что каждый опустел примерно за минуту. Но мне вовсе не казалось, что я провела внутри чревворота девять минут. Вообще ничего не казалось. Время перестало существовать. Существовал только бесконечный чревворот, и единственным способом спастись было убивать, убивать, убивать как можно быстрее, по одному смертельному удару за каждую жизнь, которую он уничтожил. Я выжила только потому, что умею убивать очень быстро.

Скоро мы достигли конца коридора. Он завершился лестницей, которая посередине разделялась, превращаясь в двойную спираль; обе части вели вниз. Голоса доносились сверху. Каменные фигуры в капюшонах стояли и здесь, на площадке. Элфи подошел к статуе с чашей, достал из кармана булавку, уколол палец, выдавил в чашу несколько капель крови и коснулся окровавленным пальцем страниц открытой книги. Пятнышко казалось черным в тусклом свете. И вдруг оно пропало, словно растворившись в камне. Элфи на мгновение отвел взгляд, не мешая магии действовать. Мы тоже. Но ничего не вышло. Элфи с явной тревогой посмотрел на нас, однако стоило ему отвернуться, статуя женщины отодвинулась.

Элфи прерывисто вздохнул и повел нас вниз, но теперь крадучись, шаг за шагом по узкой спирали, пока мы не добрались до огромного, похожего на склад помещения, такого простор-

ного, что по нему мог проехать грузовик, и полного воды; каменная дорожка посередине вела к дверной арке в дальнем конце. Там, по обе стороны высокой красной двери, стояли две каменные фигуры, держа в руках магические лампы.

Чреворот облепил всю дверь, включая статуи. Он вытек на ступеньки, и две лампы светили сквозь его тушу как из-под воды – нечто среднее между жидкостью, желе и облаком. Внутри виднелись жуткие отдельные фрагменты.

Он жалобно щупал косяки, как кот, который просится в дом; ворчание и недовольные звуки смешивались со стонами и плачем, который издавали его многочисленные рты. Щупальца пытались просочиться под дверь, цеплялись за края, лезли под капюшоны статуй, искали хоть какое-нибудь слабое место, чтобы приоткрыть ящик с лакомствами. Точно так же чреворот, которого убила я, пытался пробить мою защиту.

Мы все как вкопанные застыли на узкой лестнице. Чреворот перекатил полдесятка глаз по телу спереди назад, чтобы взглянуть на нас. Некоторые из них еще плакали или отчаянно тарасились. Чреворот так или иначе мог ими пользоваться. Меня затошнило; больше всего мне хотелось с криком убежать. Сара от ужаса дышала коротко и рвано, Элфи был напряжен, как струна, – он едва сдерживал дрожь.

– Так и будем здесь стоять? – отрывисто и громко спросила Лизель. – Ну? Что дальше?

Прекрасный вопрос. К сожалению, никто из них ничего сделать не мог – на самом деле она имела в виду «Давай, Эль, займись», и это наполнило бы меня желанной яростью, не будь я испугана до чертиков. Польза от Лизель была только в одном: она преградила мне путь наверх, а значит, убежать я не могла.

– Мы замкнем круг и будем его удерживать сколько сможем, – сказал Элфи, не глядя на меня – для этого пришлось бы отвести взгляд от чреворота. – Ты знаешь заклинание, Лизель.

Они заключили союз еще до выпуска и наверняка усердно работали над тем, чтобы довести до совершенства лучшее защитное заклинание Элфи: отказ. Чары, с помощью которых можно убрать все, что тебе не нравится, в том числе ту или иную часть чреворота.

Элфи поделился своим заклинанием и со мной, однако это была не обычная защита, которую можно поставить и забыть; заклинание отказа приходилось поддерживать постоянно, и я бы не справилась с этим, одновременно ведя бой. Но если они прикроют меня, а заклинание не поможет или не удержится, чреворот доберется до них. Даже если они тут же прервут процесс, он может уцепиться за их ману, и тогда всем крышка. Если верить хрестоматийной статье в журнале «Изучение злых чар», именно так погибли трое магов из шанхайского круга; предположительно та же судьба постигла участников двух попыток, предпринятых Лондоном. И среди них не было вчерашних выпускников.

Элфи поступил великодушно, причем мне даже не пришлось просить. Члены анклавов обычно так себя не ведут. Сара напряженно вздохнула – щедрость Элфи явно ей не понравилась, – но не стала возражать, а Лизель, к ее чести, отозвалась:

– Да. Я буду якорем. Ты начинай.

Я действительно оценила их щедрость. Был, впрочем, один существенный нюанс: как только они наложат заклинание, мне придется идти вперед. Но Лизель, как всегда, права. Топтаться на месте не стоило – ничего хорошего бы не вышло, если бы чреворот в ту самую минуту преодолел дверь и добрался до хранилища маны или проглотил десяток взрослых магов.

– Поехали, – быстро сказала я, сделала глубокий вдох и ступила на каменную дорожку.

И чреворот накинудся на нас.

Я уже видела, как они двигаются. Обычно чревороты никуда не торопятся – они предпочитают занять местечко поудобнее и выжидать. Но когда они решают тронуться с места, то развивают удивительную скорость. Он отцепился от двери и чудовищной волной покатился к нам. Все голоса разразились ужасными рыданиями и криками, как будто чреворот снова раздирает своих жертв на части, подвергая мукам тех, кого уже сожрал. Глаза выпучивались, воющие рты

кривились. Сара завизжала, а Элфи отступил на полшага – но все мы прошли Шоломанчу, и хотя Элфи дрогнул, руки у него сами собой принялись за дело.

Он накрыл нас заклиниванием за полсекунды до того, как чреворот к нам подкатился. И тут чудовище врезалось в щит – кошмарная бурлящая масса плоти целиком окутала маленький купол, сжав его так крепко, что отвратительные внутренности чреворота заколыхались в нескольких сантиметрах от моего лица. Я тоже закричала и почувствовала, как к горлу подступила тошнота; но в то же время я не утратила способности рассуждать – в голове у меня холодно и мерно работали шестеренки. «Нет времени создавать круг; Элфи наложил заклинивание в одиночку. Он не продержится дольше сорока девяти секунд. Обратный отсчет пошел. Если я буду накладывать заклинивание сама, кто займется чреворотом? Рано или поздно он прорвется».

Варианты: позволить ему сожрать Элфи, Лизель и Сару – или нас всех. Поскольку эти опции меня не устраивали, значит, огромную тварь нужно убить прямо сейчас, за то ограниченное количество секунд, которое оставалось у Элфи, и время истекало – ну и что? Я не позволила бы чревороту добраться до остальных, и если для этого он должен очень быстро умереть – значит, он должен умереть, только и всего. Я утвердилась в этой мысли, сделала вдох, чтобы доступно донести ее до чреворота – и тут он пронесся над нами – и исчез. Завывающая масса исчезла на узкой лестнице, не замедлив хода и даже не попытавшись отщипнуть от нас кусочек.

Я стояла в полнейшем замешательстве и дрожала от прилива адреналина. Купол лопнул и осыпался облаком ярких искр; Элфи произнес, еле ворочая языком:

– Почему... почему...

Он не договорил, потому что я поняла – мы все это поняли одновременно. Чреворот удирал. От меня.

– Твою мать, – сказала я и побежала за ним.

Чреворот катился прочь на предельной скорости. Когда я достигла верха винтовой лестницы, он уже скрылся в бесконечном коридоре, где колонны исчезали в темноте, напоминая иллюзию бесконечности, которую можно создать при помощи двух зеркал. Несколько мгновений я стояла, тяжело дыша. Никто еще меня не нагнал – неудивительно, – и я даже успела задуматься, какого черта творю, но тут кто-то изнутри чреворота снова вскрикнул ломким голосом, будто треснуло стекло. Жертвы были внутри, в ловушке, как мой папа, как Орион, и я не могла позволить чревороту сожрать еще кого-нибудь. Я погналась за ним.

Чревороту не удалось скрыться только из-за крика и плача жертв, но я не понимала, откуда доносится звук, и крики постепенно начали затихать. Они сменились измученным тяжелым дыханием, что было еще хуже – этот болезненный хриплый звук, тусклым эхом отдаваясь от каменных стен, волной накатывался на меня словно сам чреворот.

Я свернула в один коридор, потом в другой и в третий. Они все заканчивались тупиками – наверняка мнимыми, если знать, что делать. Вполне возможно, чреворот знал, что делать, поскольку в брюхе у него находились лондонские волшебники; возможно, ему удалось пробраться на ту сторону стены, но я не могла стоять и дожидаться Элфи, чтобы спросить совета. Если бы я остановилась, мне бы пришлось задуматься. Вместо этого я решительно перла напролом.

Меня отчасти поддерживало то, что происходящее напоминало злополучные игры в прятки в коммуне; другие дети не хотели играть со мной, но взрослые, которые хорошо относились к моей маме или приехали специально, чтобы повидаться с ней, заставляли их принимать меня в игру. Поэтому все играли в «давайте спрячемся от Эль». Ребята разбегались, прятались и сидели, перешептываясь, пока я отчаянно металась с места на место, пытаюсь найти хоть кого-нибудь; я прекрасно понимала, в чем фокус, но притворялась, что не понимаю, и пыталась поддерживать игру, потому что других возможностей поиграть у меня просто не было. Если

бы я спряталась сама, все пошли бы играть во что-нибудь другое, оставив меня до посинения сидеть в укрытии.

Именно так я себя чувствовала, слыша, как голоса чреворога превращаются в шепот, бормотание и еле уловимые хриплые вздохи. Я страшно разозлилась – и злилась все сильнее, пока шла; смешанная с горем досада громоздилась все выше, как в детстве, в те минуты, когда маме приходилось забирать меня и уводить. Она издали чувствовала, что я начинаю впадать в состояние неконтролируемой ярости. Но мамы сейчас рядом не было. Никого не было, кроме меня, охотящейся за ускользающим шепотом по бесконечным жутким темным коридорам анклава, которые нарочно удлинялись, не позволяя мне достигнуть добычу. Казалось, вот голоса начнут хихикать, потешаясь над тем, какая я глупая, раз поддалась на уловку.

Я повернула за угол – и обнаружила их источник: чудовищную тушу чреворога, полностью загородившую очередной тупик. Он пульсировал, переливался и стонал. На мгновение я обрадовалась, что нашла его.

В ту же секунду загнанная в угол тварь бросилась на меня, открыто атакуя – так, как никогда не делали дети, поскольку все они знали (как знал и чреворог), что, если дать мне повод, хотя бы крошечный, я их жестоко изувечу. Они чуяли силу, с которой не решались сталкиваться открыто. Но чреворог *дал* мне повод, потому что в его внимании я не нуждалась, и на одно-единственное мгновение я настолько преисполнилась ярости, что для страха не осталось места. Я заорала:

– Ну, давай! Валяй сюда! Ты уже умер, вонючий мешок гнили, ты уже мертв! – Я орала, накручивая себя, как пьяница в баре. Я собиралась убить, уничтожить эту гигантскую надутую жабу...

...и вдруг чреворог лопнул. Я даже не применила ману – он распался на части, не успев меня коснуться; его шкура треснула, как рвется футболка, которую слишком часто за минувшие два года латали при помощи магии, и на ней наконец буквально не осталось живого места. Глаза, рты, конечности, внутренности хлынули на пол; волна гнилой плоти вырвалась в коридор, поднявшись выше колен, а я снова заорала – на сей раз от неподдельного ужаса. На секунду на поверхность всплыло безобразное искривленное тельце, похожее на эмбрион, – точно такое же я видела внутри чреворога, убитого в библиотеке. И тут же оно тоже распалось на части и утонуло.

Но один рот и измученный, налитый кровью глаз, соединенные тонкой полоской кожи – жуткое напоминание о лице, на котором они некогда находились, – плавали на поверхности у моих коленей, смотрели на меня и молили: «Пожалуйста, выпусти меня, пожалуйста» – молили отчаянно, как делает человек, когда ему внезапно кажется, что у него есть шанс, что можно вырваться из ада на свободу, что у двери стоит тюремщик с ключом, не чуждый жалости.

Я закрыла лицо руками, мучительно всхлипнула и повторила, задыхаясь:

– Ты умер, ты уже мертв.

Рот возмущенно открылся, но тут же обвис, а глаз потускнел; оба уплыли прочь – мертвые, совсем мертвые, как я и сказала. Эти слова, порожденные моим гневом, *стали* заклинанием у меня на устах, и теперь им предстояло вечно жить во мне – страшным убийственным чарам, которые я создала сама, и, честно говоря, они гораздо больше мне подходили, чем сдержанная и элегантная Рука Смерти. Рукой Смерти мог воспользоваться какой-нибудь утонченный малефицер, с узкой бородкой и тонкими губами, в расшитой серебром черной бархатной куртке, с презрением глядящий на врага сверху вниз. Тот, кто никогда не стоял в темном коридоре, по пояс в гнилье, вынужденный подчищать за собой и добивать последних жертв пыток, которых не удалось прикончить с первого раза.

Глава 4

На верхнем этаже

Явышла из коридора, мокрая и шатающаяся. Трижды меня вырвало от зрелища особо отвратительных останков. Я всегда искренне ненавидела школьные сточные трубы, шумные распылители, вообще все механизмы, созданные для уборки за злыднями, которые пожирали нас. Теперь я по ним скучала. Море гнили, оставшееся после чреворота, могло вечно плескаться здесь. Ручейки мерзости стекали обратно в главный коридор, оставляя на полу тонкие липкие полосы.

Я долго брела вдоль них, едва переставляя ноги, когда бедная Моя Прелесть, которую во все это втянули и которая дрожала, сидя в кармане, наконец высунула нос и запищала; тогда я поняла, что никуда не выберусь – я потратила уже вдвое больше времени, чем когда мы шли по коридору вместе с Элфи.

Я остановилась и задумалась. На мне по-прежнему был разделитель, но до сих пор я не взяла ни капли маны. Мое новое смертоносное заклинание оказалось высокоэффективным. Я могла убить хоть десять чреворотов! Зато на ум не приходило ни одного простенького заклинания поиска, кроме детского стишка, которому мама научила меня в пятилетнем возрасте: «Из леса, из оврага долой, вовремя к обеду домой». Этот утонченный образчик высокой поэзии прекрасно помогал вернуться в юрту к обеду, но, увы, вряд ли совладал бы с чарами, предназначенными сбивать с толку и запутывать. Возможно, защитные чары анклава заодно мешали мне собраться с мыслями.

К счастью, у меня остался один совсем простой способ. Я убила чреворота и рассчитывала получить награду.

– Элфи, я заблудилась, выведи меня отсюда, блин, – громко сказала я, потянув за нить, которую он сам мне вручил, и спустя минуту где-то впереди его голос неуверенно позвал:

– Эль?

Он вышел из темноты в нескольких шагах от меня и осторожно двинулся по коридору, лавируя среди вонючих луж. Вместе с ним появилась Лизель; оба уставились на меня, и на лице Элфи отразился почти комический ужас. Я понятия не имела, на что похожа, да и не хотела этого знать; я бы предпочла не краткую сводку, а душ, причем немедленно. Хорошо, что Лизель не стала спрашивать разрешения – она просто произнесла заклинание на немецком, звучащее весьма настойчиво. Вполне возможно, оно означало «о боже, ну-ка немедленно приведи себя в порядок». Заклинание подхватило меня и крепко встряхнуло. После этого я почувствовала себя выколоченным ковриком, но, в общем, даже не возражала: ура, я стала чистой. По крайней мере, снаружи.

– Что ты... – машинально начал Элфи, но на половине фразы решил не выяснять. – Он... ты...

– Он мертв, – коротко сказала я, подводя конец всем дискуссиям. – Приблизьтесь сами.

Элфи несколько секунд смотрел на меня, а затем до него дошло, что чреворот убит, что он по-прежнему член анклава и – да, что его отец будет жить, вместо того чтобы навеки сгинуть в брюхе чудовища. Тогда Элфи издал тяжелый, полный облегчения вздох, зажал рот ладонью и отвернулся, отчаянно борясь со слезами, хотя ему наверняка очень хотелось разрыдаться. Несколько слезинок все-таки пролилось.

Лизель явно подмывало сказать ему «Соберись, тряпка», но она удержалась – с ее стороны это было огромное усилие. Я понятия не имела, отчего Элфи связался с человеком, откровенно считающим его худо-бедно подходящим сырьем, из которого можно вылепить нечто приличное, – и еще меньше понимала, отчего Лизель так упорно за ним охотилась. Она выпу-

стилась с отличием и не была обязана спать с Элфи, чтобы получить место в лондонском анклаве – и даже через постель она не получила бы места, если бы выпустилась не с отличием! Иными словами, решение она приняла добровольно.

– Пошли, – сказала мне Лизель. – Совет захочет тебя поблагодарить.

Иными словами, она собиралась отвести меня вниз и торжественно представить совету, не забыв щегольнуть собственной гениальностью. Но я не была обязана соглашаться:

– Спасибо, но нет. Я не проведу здесь больше ни минуты. Покажите, где выход.

Элфи слегка дернулся – моя настойчивость была сродни рывку поводка – и кивнул:

– Конечно, Эль... пойдём в сад. Кажется, тебе надо подышать свежим воздухом.

Говорил он искренне, но, безусловно, скоро должен был пожалеть о своем обещании. Судя по мрачному виду Лизель, она уже об этом жалела. Наверное, чувствовала себя ястребом, который едва успел поймать рыбу, как с неба камнем упал огромный орел и выхватил добычу прямо из-под носа. Не повезло девочке. Но я ей ничуть не сочувствовала. Я бы наверняка передумала через пару дней, если бы не сумела избавиться от Элфи, но только не сейчас.

Лизель была не из тех, кто бьется головой о стену; она повернулась к Элфи и сказала, хоть и не очень любезно:

– Выведи ее. Я сообщу остальным. – Решив извлечь из ситуации максимум, она зашагала по коридору.

Элфи повел меня в другую сторону и свернул в первый же коридор – к счастью, не тот, где по-прежнему истлевали останки чреворота. Почти сразу он распахнул дверь в сад, как окруженная золотым сиянием Беатриче открыла для Данте двери в рай, оставив бедного обреченного Вергилия позади.

Элфи тоже не ворчал, хотя я, образно говоря, вонзила ему шпоры в бока. Он отвел меня туда, где водопад лился мощным серебристым потоком через край очередной террасы; я подставила руки, набрала воды, умылась, прижала прохладные ладони к щекам и постояла так, пока меня не перестало мутить. Я достала из кармана Мою Прелесть, посадила ее на край маленького углубления в камне, наполненного чистой водой, и она искупалась. Мне хотелось последовать ее примеру.

Убийство чреворота не исправило ущерба, нанесенного анклаву – я по-прежнему чувствовала, как под ногами колыхается мана, и разделитель прекрасно передавал это ощущение. Но, избавившись от твари, я развязала руки всем волшебникам, которые до тех пор отчаянно отбивались, и они сразу же взялись за работу. Прямо у меня на глазах лампы загорелись ярче – в несколько приемов, словно кто-то подергал выключатель туда-сюда; терраса стала прочнее. Уже не было ощущения, что сад вот-вот скроется под водой. Казалось, впрочем, что я сижу за столом, у которого одна ножка короче других – облокачиваться нельзя, чтобы стол не опрокинулся, но все-таки он стоит, и целая бригада рабочих трудится над починкой.

Элфи тем временем налил мне попить из серебряного кувшина вроде того, что я видела сверху, сквозь заросли. Значит, эти чары тоже заработали. Хоть я и не хотела ничего брать в рот, от одного лишь легкого сладковатого запаха мне полегчало. Поэтому я осторожно сделала глоточек, который тут же избавил меня от привкуса тошноты и позволил глубоко вдохнуть. Я и не догадывалась, как нуждалась в этом.

Я допила остаток маленькими глотками, наслаждаясь каждым и угощая Мою Прелесть каплями с кончика пальца; допив, я почти успокоилась. Не то чтобы успокоилась по-настоящему – просто расслабилась. Я четыре года не могла толком расслабиться. Даже мамино заклинание не справлялось с моими нервами. Конечно, мама бы сказала, что месяц в лесу – куда более подходящий способ обрести спокойствие, но я находилась в лондонском анклаве, занималась истреблением чудовищ и наслаждалась охватившей меня безмятежностью. Ужас отступил.

Элфи сидел на полированном, самом обычном на вид деревянном табурете, удобном, как кресло, и с тревогой изучал меня. Наверное, он гадал, что я намерена делать с поводком, который он сам мне вручил. Поэтому, когда Элфи, неопределенно помахав рукой, тихо сказал: «Эль, прости, все случилось так внезапно, мы вывалились прямо посреди этого хаоса», я цинично принялась ждать, когда же он попросит меня избавить его от клятвы, и страшно удивилась, услышав:

– Я даже не спросил про Ориона.

У меня возникло ощущение, что я ломлюсь в открытую дверь.

– Я знаю, что вам почти удалось выбраться, – продолжал Элфи, пока я сидела, цепляясь за остатки безмятежности, вместо того чтобы зарыдать или в гневе обрушиться на него – да как он смел сожалеть об Орионе, как смел быть первым и единственным, кто сказал о нем хоть что-то приятное или просто любезное?! – Это страшная потеря. И так несправедливо... после всего, что он сделал, что сделали вы оба.

Он говорил глупые, абсолютно очевидные вещи, не имеющие никакого значения, но я коротко и неуклюже кивнула, поставила бокал на стол и отвернулась, сдерживая слезы, наполовину в ярости, наполовину благодарная. Это ничего не значило – и в то же время значило очень много. Я знала, что Элфи не было дела до Ориона, они почти не общались. Ему ничего не стоило сказать несколько вежливых слов. И он их сказал – ничего сверх обычного соболезнования, которое ты вроде как обязан предложить человеку, потерявшему друга, однако Элфи отдал дань уважения мне и Ориону, словно мы были нормальными людьми. Не его друзьями, конечно, – просто людьми, которым он хотя бы немного сочувствовал. Элфи ничего больше не сказал; он замолчал и некоторое время сидел рядом со мной, посреди безграничного покоя и красоты, а мимо нас с журчанием текла вода.

На зеленых стеблях медленно начали распускаться нежные цветы, похожие на колокольчики; бутоны раскрылись, а потом среди них, как по сигналу, показались и крошечные пчелы. Я услышала голоса задолго до того, как рядом появились люди – еще одна тщательно отмеренная вежливость, поскольку, разумеется, магия не заставила бы аристократию анклава идти по саду долгой извилистой тропой. Возможно, какой-то артефакт замедлял наше ощущение времени, поэтому нам путь казался дольше. Я протянула руку Моей Прелести и посадила ее в карман. Терраса между тем украдкой начала расти, чтобы вместить приближающуюся компанию; со всех сторон придвинулись еще стулья и табуреты, делая вид, что с самого начала стояли здесь.

Элфи заметно выпрямился; когда старшие вошли, он встал. Его отца я узнала бы и так – они очень похожи, только отец смуглее и солиднее. Он казался смутно знакомым. Может, он приезжал в коммуны, когда я была маленькой? Иногда нас посещают члены анклавов; мама не отказывает никому, кто приезжает в поисках исцеления, хотя не лишает себя удовольствия осудить их образ жизни (поэтому они показываются редко). Отец Элфи был в красивом кремовом костюме с безупречно заутюженными складками, темно-зеленой рубашке с галстуком, застегнутым булавкой с крупным опалом: он так оделся, готовясь к смерти.

С ним была Лизель, а рядом еще несколько расфуфыренных особ, считая Господина лондонского анклава, Кристофера Мартела – седого мага, тяжело опирающегося на бронзовый посох. Левый глаз и часть лица до скулы полностью закрывал сложный артефакт, похожий на монокль. Я практически не сомневалась, что глаз под ним, в высшей степени искусно сделанный, также был артефактом или иллюзией; настоящий глаз Мартел, скорее всего, где-то потерял, а может быть, променял. С возрастом волшебникам становится трудней исцеляться, но даже в старости, как правило, можно лет на десять – двадцать отсрочить агрессивную форму рака или старческую деменцию, отдав взамен нечто существенное, например глаз (плюс внушительный объем маны).

Лодыжка, вероятно, тоже не выдержала возраста. Мартел пробыл на своем посту минимум шестьдесят лет. Правление в анклавах трудно назвать демократичным; это нечто среднее

между международной корпорацией и сельской общиной: то и другое – изрядный гадюшник. Большинству обитателей анклава плевать, чем занимается совет, лишь бы, с их точки зрения, все шло гладко; в любом случае, всерьез правом голоса обладают только люди, имеющие место в совете (либо они совершили нечто необыкновенное, либо им посчастливилось состоять в родстве с основателями анклава). Как правило, Господин занимает свою должность, пока не уйдет на покой или не умрет – ну или пока на анклав не обрушится большая беда.

Вроде нынешней. И я не сомневалась, что правление Мартела подходило к концу – точнее сказать, он должен уступить место отцу Элфи, поскольку тот вызвался сразиться с чреворотом; такие предложения дорогого стоят, это ежу понятно. Но должно было пройти некоторое время, прежде чем передача власти состоялась бы официально – тем более что анклав еще шатался, – и, естественно, все касалось этой темы с утонченной деликатностью. Отец Элфи устроил настоящий спектакль: он принес Мартелу самое большое кресло и поставил напротив меня, прежде чем опуститься на стул, который сам тихонько к нему придвинулся.

Мартел со вздохом сел и одарил меня тонкой улыбкой, полной легкого сожаления – как если бы извинялся за свою неспособность. Он взглянул на Элфи, и тот с поклоном сказал:

– Сэр, это Галадриэль Хиггинс, мы вместе учились. Эль, это господин Мартел... – Он помедлил и бросил взгляд на отца, который каким-то совершенно незаметным для меня образом просигналил «да, продолжай, я тоже имею право быть представленным». Тогда Элфи добавил: – А это мой отец, сэр Ричард Купер Браунинг.

– Моя дорогая Галадриэль, мы все у вас в непомерном долгу, – сказал Мартел добродушным тоном, который взбесил бы меня, если бы я в ту самую минуту не злилась на Элфи.

Мне всегда казалось странным, что в школе его звали Элфи, как маленького. Я не понимала, что это было намеренное умолчание, на котором он настаивал. И его отец казался знакомым не зря: это самое лицо, похожее почти как две капли воды, смотрело на меня с газетных вырезок, расклеенных по стенам школы.

Элфи явно предназначили роль нового Альфреда Купера Браунинга, а он не желал этой славы, и я не могла его винить: такие же усилия прикладывала я сама, чтобы не быть в глазах одноклассников неудавшейся дочкой великой целительницы. Но я еще сильнее разозлилась на Элфи за эту дурацкую клятву. Если я буду таскать его за собой после уничтожения школы, которую построил сэр Альфред... что за ирония судьбы. Очевидно, такова семейная традиция – эффектно жертвовать собой ради спасения анклава.

– Обращайтесь, – сказала я – может быть, резковато.

Все-таки покровительственный тон еще способен вызвать у меня некоторое раздражение.

– Разумеется, если вы предпочтете поселиться здесь, с нами, мы будем счастливы вас принять – и вы это вполне заслужили, – Мартел не сводил с меня ярко-голубого искусственного глаза, как будто надеялся заглянуть в мою душу и прочесть мои тайные желания и намерения.

Я бы сама не отказалась туда заглянуть, поскольку, покончив с чреворотом, вновь утратила всякую цель в жизни. Но я точно знала, что не желаю перебираться в лондонский анклав.

– Спасибо, но нет, – отказалась я, и несколько магов за спиной у Мартела переглянулись, словно не поверив своим ушам. А с какой стати я тогда убила чреворота?

– Я слышал от Альфреда, что вы высоко цените свою независимость, – продолжал сэр Ричард. – Надеюсь, все же вы позволите нам отблагодарить вас.

Он имел в виду, что я позволю ему выкупить сына – и я, к счастью, совершенно не возражала. Я знала, о чем попросить. Этого должно было хватить за убийство чреворота.

– Да, – сказала я. – Сад.

Сэр Ричард слегка нахмурился; остальные в замешательстве переглянулись, как будто подумали, что я прошу вручить мне сад в подарочной обертке.

– Откройте его, чтобы любой маг мог прийти сюда когда захочется. И в библиотеку тоже. Почему нет? Чреворот все равно бы камня на камне от нее не оставил.

– Я не прошу открывать те части анклава, где вы живете. Можете оставить себе хранилище маны, залы совета и все вот это, – я обвела рукой жуткий подземный лабиринт. – Но остальным поделитесь. Таково мое условие.

Лондонцы смотрели на меня как-то странно. Лизель явно была раздражена – но неужели она не ожидала чего угодно от такой дуры, как я? Элфи слегка тревожился, хотя, пожалуй, теперь, когда сэру Ричарду светило место Господина, его шансы быть выкупленным на волю значительно повысились. Остальные просто сосредоточенно хмурились, пытаясь понять, что это за фокус и с какой стати у них просят чего-то странного и неожиданного, без всякой очевидной логики. Некоторые переглядывались, словно надеясь, что кто-нибудь догадается первым.

Приятная улыбка Мартела оставалась неизменной – и ничего не выражающей.

– Это... серьезно, – осторожно произнес он.

На самом деле старик имел в виду «будь добра, объясни, что за странная просьба».

– С Национальным трестом вы как-нибудь договоритесь, – сказала я. – Ну и никто не запрещает вам выгонять посетителей, если они будут справлять дела в водопад.

Какая-то женщина громко рассмеялась – прямо-таки заржала так, что все подскочили от неожиданности. Раньше я ее не замечала. Она стояла чуть в сторонке, облокотясь на перила, но не замечала я ее не поэтому: на ней было пальто из разнородных лоскутов, сшитых вместе на живую нитку. Там и сям торчали разлохмаченные концы. Эти лоскуты, типичный дешевый шик, представляли собой нечто потрясающее; соединив небольшой артефакт с кучей ничем не примечательных тряпок, владелица добилась прекрасного эффекта: пальто сбивало зрителя с толку. Очень остроумно. Даже теперь, когда она намеренно привлекла к себе внимание, я с трудом могла ее разглядеть.

Оттолкнувшись от перил, женщина шагнула ко мне.

– Маленькая Эль, как же ты выросла, – сказала она. – Помнишь меня? Наверное, нет. В последний раз, когда мы виделись, Гвен тащила тебя, перебросив через плечо, а ты орала во все горло. Ты попыталась наложить на меня заклинание принуждения, чтобы я перестала мелькать – так ты выразилась. Тебе было всего четыре года.

Я совершенно ее не помнила, но вовсе не исключала такой возможности. Действительно, уже в том возрасте я сама придумала заклинание принуждения, и мама несколько лет отучала меня швыряться им в людей.

И тут я поняла, кто она такая. Ее все звали просто Янси, и каждый раз, когда в коммуну за помощью являлся какой-нибудь потрепанный тип, чаще всего оказывалось, что его прислала она, заодно велев передать привет. Однажды я спросила почему, и мама сказала, что помогла Янси избавиться от искаженного восприятия, слишком глубоко укоренившегося в сознании. Если вы не понимаете, что это значит, вам явно не доводилось злоупотреблять алхимическими субстанциями в несуществующем пространстве.

Впрочем, я понятия не имела, что Янси делает здесь: она не входила в лондонский анклав. Даже наоборот. Лондонский анклав пережил бомбардировку в сорок первом, открыв массу входов по всему городу, и даже если бы один разбомбили, анклав бы не погиб. После войны большую часть входов закрыли, но Янси и ее компания придумали разные хитроумные способы отыскивать их и приоткрывать, чтобы пробираться в вышеупомянутые несуществующие пространства – нечто вроде точек неопределенности на границе реального мира и анклава. Они жили там по нескольку месяцев или даже лет, наслаждаясь отсутствием злыдней и удобствами, которые давал доступ к пустоте; затем члены анклава находили их и вышвыривали. Они убирались прочь и искали новую щель.

Полагаю, у Янси был повод избавить лондонский анклав от чреворота, только я не могла понять, почему они обратились к *ней*.

– Что ж, значит, договорились, – сказала Янси сэру Ричарду. – Я так понимаю, у нас будет возможность время от времени устраивать вечеринку на лужайке? – спросила она у меня с нескрываемым удовольствием и, не дожидаясь ответа, снова загоготала. – Рада тебя видеть, Галадриэль Хиггинс, – Янси произнесла это тоном интимной шутки. – Надо как-нибудь встретиться и поболтать. – Она встряхнулась, и все лоскутья на ней затрепетали; а когда мне удалось вновь сосредоточиться, Янси уже исчезла на одной из тропинок, громко распевая какую-то чушь, похожую на старомодную популярную песенку – «ро-ма-ро-ма-ма, о-ля-ля», – поэтому водопаду пришлось прибавить громкости, чтобы ее заглушить.

Выступление Янси лондонцы встретили с явной досадой, кисло поглядывая на сэра Ричарда. Похоже, это он, по какой бы то ни было причине пригласил ее сюда. Отчего-то вид у него был довольно спокойный – ну или он в самом деле ничего не имел против Янси. Он лишь слегка вздохнул и с иронией сказал мне:

– Надеюсь, вы не против, если я установлю разумные часы посещения, иначе здесь всю ночь будет пьяное буйство. – Он ни на кого не смотрел, лишь бросил вопросительный взгляд на Элфи; видимо, полученного ответа было достаточно, чтобы прийти к удивительному умозаключению, что я хочу именно того, о чем попросила.

А вот Мартел не желал так легко соглашаться. Он уже не вежливо смотрел, а откровенно пялился и больше не улыбался. Мне было все равно. Я не собиралась сидеть здесь и торговаться с ними; вместо меня переговоры вела клятва, данная Элфи.

– Вы спросили – я ответила, – коротко сказала я. – Соглашайтесь или нет.

Я сняла разделитель – хотела бы я сказать, что отдала его без внутренней борьбы, – и протянула браслет Элфи. Он бросил еще один многозначительный взгляд на отца. Понять содержание было несложно: «Видишь, я же говорил». Сэр Ричард наблюдал за мной, слегка нахмурившись. Очевидно, его дедушка в конце позапрошлого века добился у лондонского совета права носить этот браслет в обмен на ключи от Шоломанчи. Может быть, сэр Альфред выторговал и пожизненное место в совете для главы семьи. Манчестерский анклав вложил большую часть маны в строительство школы; Лондону покупка досталась дешево.

Им по-прежнему все доставалось дешево! Они не лишились ни анклава, ни огромного хранилища маны, пусть оно и было взбаламучено бурей, потайной сад никуда не делся. Нужно было лишь пускать сюда других время от времени, и это даже пошло бы анклаву на пользу, поскольку помогло бы успокоить бурлящую ману. Пригласить компанию волшебников, которые будут глазеть по сторонам и верить в эту удивительную иллюзию – вероятно, лучший способ стабилизировать анклав.

Я встала:

– Вы не против, если я прогуляюсь перед уходом?

– Конечно, нет, – сказал Мартел, наконец наклеивший на лицо улыбку, хоть и не слишком радостную. – Пожалуйста, почувствуйте себя как дома.

Я не стала забираться далеко. Мне просто хотелось побыть одной, укрывшись от остальных, и сад послушно привел меня в маленький укромный уголок, увитый цветами, зеленый и тихий; рядом журчал небольшой водопад. Ни о чем другом я и не мечтала, но, оказавшись там, тут же разочаровалась. В этом уютном уголке нечего было делать, кроме как размышлять и предаваться чувствам, а мне ничего этого не нужно. Отдыхать я не могла, потому что не устала. Хотела бы я утомиться! Убить одним заходом чреворога, достаточно большого, чтобы сожрать лондонский анклав – да пустяки. Лишь бы я *убедила* себя это сделать, а не считала, что уничтожить чреворога нельзя, как в выпускном зале, когда Ориону пришлось схватиться с чудовищем без меня.

Только этой мысли и не хватало. Я не собиралась думать о случившемся, сидя там – в саду, который я спасла вместо Ориона, – но ничего другого мозг мне не предлагал. Моя Пре-

лесть вылезла из кармана и забегала по красивым перилам из кованого железа и по веткам, а я пыталась взглядом следить за ее движениями и ровно дышать – вдох, задержка, долгий выдох, – однако толку от этого не было. Приятное спокойствие от напитка, который дал мне Элфи, развеялось, сменившись досадой и гневом, и чем больше я пыталась уцепиться за собственные мысли, тем явственней ощущала тошнотворную вибрацию маны под ногами, до жути похожую на отвратительные колебания разваливающейся туши чреворота. У меня все перевернулось в животе, и я сдалась.

Мне помогло бы какое-нибудь занятие, но делать было нечего – да я и не смогла бы за него взяться. Я отдала разделитель маны, и мой личный запас был пуст. Поэтому я встала и начала делать отжимания, чтобы собрать ману. Я все еще была в прекрасной форме – в школе я готовилась к пятисотметровому спринту, от которого зависела моя жизнь, и мое состояние только улучшилось после того, как я провела несколько дней в Уэльсе, с неограниченным запасом еды, питья и любви. Я делала отжимания как положено: грудью до земли и счет вслух.

Бедный озадаченный сад медленно и изящно раздвинул укромный уголок с обеих сторон, давая мне больше места, а когда я поднялась, досчитав до семнадцати, в уголке возникла корзинка с ковриками для йоги. Это наверняка было заложено в базовой программе: скорее всего, девять из десяти лондонских магов в дорогих спортивных костюмах регулярно являлись сюда ради приятной групповой тренировки с видом на водопад. Впрочем, они не собирали ману, а упражнялись просто ради удовольствия. Им стоило съездить на выходные в Уэльс. Не обращая внимания на корзинку, я сжала кулаки и продолжила отжиматься на голом камне, отсчитывая капли с трудом добытой маны, которые падали в пустой кристалл, по-прежнему висящий у меня на шее. Когда я дошла до тридцати, он слабо засветился.

И тут я заметила, что Лизель, скрестив руки на груди, стоит неподалеку и хмурится. Я ненавижу отжимания; отчасти мне хотелось, чтобы кто-нибудь явился и нашел для меня другое занятие или, по крайней мере, дал повод оторваться, и Лизель для этого отлично подходила. Но все-таки я дошла до пятидесяти, прежде чем подняться, орошая потом высокие разноцветные гладиолусы в ближайшем вазоне. Я ожидала, что Лизель назовет меня дурой; честно говоря, я так себя и чувствовала. Это было все равно что тащить десять миль ведро от жалкого грязного ручейка, чтобы полить цветок, растущий у огромного озера.

Но Лизель ничего не сказала; она всего лишь наблюдала за мной, загадочно шурясь. У меня возникло ощущение, что я стою за зеркальным стеклом, а на другой стороне тикает большой сложный механизм, весь вибрирующий от движения тридцати тысяч шестеренок. Мне это не понравилось.

– Тебе что-нибудь нужно? – холодно спросила я. – Нашла еще одного чреворота?

Лизель грубо фыркнула и сказала:

– Только не плачь.

Я с вызовом уставилась на нее, набирая воздуху в грудь, и тут она меня огорошила:

– У вас все получилось. В зале остались только вы с Лейком. В чем мы ошиблись?

Я, честно говоря, не собиралась плакать – гораздо больше мне хотелось ей врезать.

– А что? Снова собираешься загнать миллион злыдней в ловушку? – прорычала я.

– Он умер? – спросила Лизель, как будто разговаривала с маленьким ребенком (впрочем, без особой деликатности).

– Надеюсь, – напрямик ответила я.

Она могла думать что угодно. Отчасти мне хотелось внушить ей, что это я убила Ориона и оставила его лежать на полу выпускного зала, прежде чем торжествующе выскочить на волю самой.

Но с Лизель этот номер не прошел.

– Там был еще один чреворот, – сказала она.

Я всю жизнь пугала людей, хотя предпочла бы с ними дружить, ну или, по крайней мере, спокойно одалживать у них молоток или ручку. Но теперь, когда мне хотелось припугнуть Лизель, она, разумеется, осталась невозмутима.

И неумолима. Я сдалась. Я не желала и дальше от нее отбиваться, парируя уколы, пока она продолжала бы бить по больному.

– Это было Терпение, – сказала я. – Оно сожрало Стойкость и спряталось где-то в школе. Оно настигло нас у ворот незадолго до того, как школа рухнула. И кстати, – безжалостно добавила я, – я хотела просто уйти. Орион не согласился. Он вытолкнул меня за ворота, и тварь до него добралась. Он не позволил мне его вытащить. Вот и вся история, надеюсь, ты удовлетворена. Короче, я пошла.

Лизель широко раскинула руки:

– Куда? Сидеть в палатке под дождем?

– Есть другие варианты?

– Да, – кивнула Лизель. – Давай поужинаем.

Как только она это сказала, я невольно признала, что действительно лучше сесть и поужинать, чем выйти из анклава вслепую, в неведомой части Лондона, не зная, как вернуться домой, и с пустыми карманами (не считая мыши). Мама никогда о таких вещах не заботилась. Если ей надо куда-то поехать – она голосует на дороге, и кто-нибудь ее подвозит. Если она хочет есть, то спрашивает у мироздания, нет ли где-нибудь лишнего кусочка – и почти наверняка кто-то, проходя мимо, остановится и предложит маме еды или пригласит к себе пообедать. Мне, скорее всего, придется наскрести хоть какую-то мелочь, прежде чем я получу от мироздания неохотное позволение купить черствую булочку и билет на автобус. И я не понимаю, в чем дело – в моей мрачной физиономии или в других людях, которым розовощекая улыбчивая женщина средних лет нравится больше угрюмой темнокожей девчонки. И оттого что я сама не знаю, в чем причина, я становлюсь еще мрачнее.

Кстати говоря, я бы почти наверняка, невзирая ни на что, вышла вслепую из анклава, просто назло Лизель и себе самой, но тут она добавила:

– Не делай глупостей. Элфи потом отвезет тебя домой. – И указала на маленькую винтовую лестницу, которая поднималась на террасу, откуда доносился неопишимо приятный запах. Походило на рисовый пудинг, которого мне страстно хотелось. Точнее, рисовым пудингом вовсе не пахло, и я никогда его особо и не любила, но в школе ела, как только выпадала возможность, потому что там он – одно из основных лакомств. Я бы охотно провела остаток жизни без рисового пудинга, но отчаянно желала того, что благоухало там, на террасе, даже если это был рисовый пудинг.

Поэтому я неохотно пошла за Лизель наверх. Лестница тянулась долго, и у меня уже устали ноги, но наконец мы вышли на маленькую террасу перед крошечной, как нора хоббита, комнаткой прямо в стене анклава. По меркам волшебного сада это была просто лачуга. Вместо двери под аркой висела занавеска, и в каморке за ней едва помещалась кровать. Ничего больше не было, кроме полукруглой полочки, на которой хватило бы места только для стакана. Не было даже лампы. На террасе, над маленьким столиком и двумя стульями, тускло светил магический шар. Водопады шумели далеко внизу, по ту сторону низкого железного ограждения, а мы находились так близко к потолку, что сквозь дымчатое стекло смутно что-то поблескивало, намекая на присутствие чар.

С каким бы пренебрежением Лизель ни смотрела на мою юрту, ее собственное жилье было довольно убого. Одевалась она шикарнее, чем жила. Но даже если ты взяла первый приз в Шоломанче, то есть выпустилась с отличием, за стенами школы ты всего лишь девчонка без всяких связей в новом анклаве, кроме парочки таких же вчерашних выпускников, которые выжили в основном благодаря твоей помощи и предпочли бы об этом забыть. Ты – в самом низу иерархии.

Наверняка это всерьез разочаровывало множество юношей и девушек, четыре года отчаянно боровшихся за единственный ценный приз, который сулила школа, а в результате обнаруживали, что получили не более чем билет в товарном вагоне, в то время как обхаживавшие их ребята из анклавов расселись в купе класса люкс. Мне доводилось слышать о блистательных выпускниках, полностью выгоревших. Они так и остались на всю жизнь в маленькой комнатке под крышей и больше ничего не достигли.

Лизель, похоже, не собиралась довольствоваться малым. Она уже раздобыла красивую ширму, которая загораживала самое неприглядное, а над кроватью у нее пологом свешивались белые ветви, украшенные поблескивающей сеткой. Она уговорила – или, скорее, заставила – волшебные цветы обвить перила, чтобы было светлее. Жестом Лизель указала мне на стул; на столе стоял еще один серебряный кувшин, а рядом – миска кускуса и небольшой синий тажин, из которого повеяло восхитительным ароматом, как только Лизель сняла крышку. К счастью, никакого рисового пудинга.

Каждый кусочек был идеален – один пряный, другой сладкий, третий соленый, именно так, как мне хотелось, сухофрукты светились словно драгоценные камни, миндаль хрустел, овощи были мягкие, но не переваренные, ровненькие, как будто их готовили по одному, с тщанием и заботой, прежде чем аккуратно выложить, хотя блюдо представляло собой единое целое. Несмотря на продолжающееся слабое колыхание маны под ногами, я съела три полные тарелки и выпила два бокала того, что было в кувшине. Лизель тоже не отставала, а потом грязная посуда исчезла – очевидно, чтобы магическим образом помыться.

Когда мы закончили, внизу в саду уже шла суета – извилистые тропки превратились в широкие дорожки, вдоль которых появились яркие фонари и скамейки. Сэр Ричард не тратил время зря, выплачивая долг сына. В сумерках даже появились первые посетители: кучка настороженных волшебников, сверху не отличимых от заурядов – вне зависимости от одежды. Это были приглашенные работники – даже издалека я видела серые повязки у них на предплечьях; до сих пор, вероятно, их впускали с черного хода в мастерские и лаборатории, где они неустанно трудились, питая слабую надежду, что однажды им позволят побывать в святой святых. Они подставляли лица под брызги водопада, и в удивленных глазах гостей отражался свет магических ламп. Я с горечью задумалась, не оказала ли им медвежью услугу, заставив еще более страстно мечтать о недостижимом.

– Ты твердо намерена быть душой? – поинтересовалась Лизель.

– А ты, видимо, считаешь себя умной, – ответила я, неопределенно помахав рукой. Не знаю, действительно ли в кувшине было вино, но стоило мне его выпить, оно начало вести себя как вино. – Ты всю жизнь посвятила тому, чтобы попасть сюда и с процентами высасывать кровь и ману из других магов.

– Да, вижу, ты ничуть не поумнела, – сказала Лизель. – Я не жалею, что получила место в анклаве, потому что я-то неглупа. Моя мать всю жизнь стелилась перед членами анклавов, просто чтобы я выжила.

– И ты теперь подлизываешься к Элфи? – спросила я ядовито; впрочем, мой упрек был несправедлив – я еще не видела, чтобы она к нему подлизывалась. – Неужели он тебе правда нравится?

– Конечно, нравится. Он хочет чего-то добиться в жизни.

– И ты намерена сделать из него человека, так?

Лизель спокойно пожала плечами:

– Да. У него есть то, что нужно мне, а у меня есть то, что нужно ему. Неужели я должна посвятить себя тому, кому нечего предложить?

– Будет гораздо лучше, если ты найдешь человека, с которым сама захочешь провести жизнь, даже если он не вписывается в твои расчеты, – колко заметила я.

Лизель небрежно отмахнулась:

– Большинство людей глупы, надоедливы или не умеют работать. С какой стати мне с ними возиться? Я от этого только раздражаюсь. Но Элфи меня не раздражает, потому что он достоин внимания.

При этих словах я недовольно поджала губы; выходит, мама права: она вечно твердит мне, что человеку главное – понять, чего ему хочется, даже если большинству людей это не подходит.

– Он не считает себя бесполезным, – продолжала Лизель, – но даже если бы считал, я бы все равно не проиграла, потому что у меня ничего нет.

– А твоя мама? – перебила я.

Лизель помедлила и сдержанно ответила:

– Она умерла в тот год, когда я поступила в школу.

Явно это не было простым совпадением; скорее всего, ее мать все рассчитала. Нельзя задаром приобрести еще десять лет жизни, если только ты не член анклава, который может неограниченно распоряжаться маной. Но почти всегда можно заключить сделку другого рода. Если, например, ты предполагаешь, что шансы дожидаться поступления ребенка в школу у тебя примерно пятьдесят на пятьдесят, полуправильные целители немного укрепят твои шансы выжить, и тогда, по крайней мере, ты будешь точно знать, когда умрешь.

Я с легким сомнением спросила:

– И папа тоже?

В другой ситуации я бы отвергла всякую деликатность в разговорах с Лизель. Скажу лишь одно: смерть обоих родителей – крайне несчастливое стечение обстоятельств. Если твои родители протянули достаточно долго, чтобы произвести тебя на свет, они, очевидно, взрослые маги в расцвете сил, а взрослому магу мало что грозит. *Мы* и есть самые опасные чудовища. Если мать Лизель умерла, оставив ребенка школьного возраста, это, скорее всего, было неудачно направленное заклинание или удачно направленное проклятие. Потеря обоих родителей – очень редкий случай.

В общем, я не ошиблась. Лизель ответила еще бесстрастнее:

– Он живет в мюнхенском анклаве.

– Что?! – я уставилась на нее. – Но...

– Мне что, объяснить попонятнее? – холодно спросила Лизель. – Его жена – дочь Госпожи. Так он и получил место в анклаве. И сказал маме, что если она хочет отправить меня в Шоломанчу, то должна молчать и не напоминать ему о себе. Я никогда не видела отца. Иногда он посылал деньги.

Эти слова источали презрение. Члену анклава ничего не стоит создать деньги. Даже мелкий маг-одиночка может наколдовать себе пятидесятифунтовую бумажку: анклав возразит, только если он начнет подделывать их в крупных масштабах, рискуя разоблачением. Но на свете не существует такого анклава, у которого нет более или менее неограниченного запаса наличных.

Я поморщилась; мне не хотелось сочувствовать Лизель. Но бросить ребенка на поживу злым, а самому жить в роскоши... Главное, ему бы ничего не было, если бы он забрал дочку с собой! Никого не выгоняют из анклава за измену жене, даже если Господину или Госпоже это не нравится. За излишнюю строгость глава анклава может лишиться места. Члены анклавов ожидают – и не без причины, – что им будет сходить с рук почти что угодно, включая завуалированное использование малии, лишь бы это не ставило под угрозу анклав в целом. Есть только одна черта, которую никому не позволено переходить; все остальные правила гибки. Но отец Лизель, вероятно, мог лишиться места в совете. И им он дорожил больше, чем жизнью дочери.

– Значит, Мюнхен отпадает, – сказала я. – Но почему ты не выбрала другой немецкий анклав?

– А толку? – пожала плечами Лизель. – Мюнхенский – самый могущественный. Мне нужен был анклав сильнее, а не слабее мюнхенского.

– Зачем? – поинтересовалась я, не удержавшись, хотя и сомневалась, что хочу знать правду.

– Детали я пока не продумала, – небрежно отозвалась Лизель. – Но я намерена достичь такого положения, чтобы стать могущественней папиной жены. И тогда уж она пожалеет.

– О чем?

– О том, что убила мою мать. Не было никакого несчастного случая. – Она имела право говорить с раздражением; и как только Лизель это сказала, все стало совершенно ясно.

Ее отец старался скрыть свой маленький грязный секрет, но жена все узнала – возможно, когда он прибег к своим связям, чтобы поместить Лизель в Шоломанчу. И вместо того чтобы выставить за дверь неверного мужа, она расправилась с его бывшей любовницей. Лизель пришлось смотреть, как мать умирает.

И тогда я, почти против воли, поняла, что делала Лизель. Гораздо проще было думать, что она просто стерва, готовая на что угодно ради места в анклаве, роскоши и власти. На самом деле Лизель сложила два и два и пришла к абсолютно верному выводу: стать Госпожой могущественного анклава – единственный способ сделать так, чтобы убийца ее матери хоть на мгновение пожалела о содеянном. В отличие от любого нормального человека, Лизель, посмотрев на это уравнение, не подумала: «Ладно, я ограничусь тем, что назло ей постараюсь жить как можно лучше». Она составила тридцатилетний план, в котором пункт первый гласил: выпуститься из Шоломанчи с отличием. И двинулась вперед.

Лизель по-прежнему шла к своей цели. Шагом номер два был Элфи. Я-то гадала, зачем она в школе так старалась подцепить парня повлиятельнее уже после того, как добилась выпуска с отличием, но теперь я поняла. Просто попасть в анклав было мало. Лизель знала: как только ее примут, она начнет с самого низа. В качестве постоянного партнера ей был нужен член анклава, стоящий на достаточно высокой ступени. Отличный разумный план, как и следовало ожидать.

– Соболезную, – нехотя выдавила я.

Мама, вероятно, предложила бы ей остаться в коммуне на месяц-другой, но лично я не винила Лизель за то, что она жаждала мести. Я по-прежнему рисовала себе яркие картины мести тому дебилу, который пихнул меня в школьном коридоре три года назад. Но до сих пор я не любила Лизель и хотела, чтобы все и дальше оставалось так; изменить свое отношение к ней казалось опасным.

Лизель лишь опять пожала плечами.

– Сила была на стороне анклава. Кто сильнее, тот и решает, что будет дальше, – спокойно сказала она. – Поэтому лучше быть сильным. Глупо от этого отказываться, когда выпадает такая возможность. Ты пришла сюда, спасла целый анклав и не взяла платы. Какой роскошный жест! Что ты сделаешь, если чреворот появится в другом месте – не в анклаве – и там не будет маны, чтобы тебя поддержать?

– Я не намерена становиться профессиональным убийцей чреворотов! – заявила я.

– Правда? – насмешливо спросила Лизель. – А какие у тебя планы?

Я, возможно, не смогла бы дать ответ, даже если бы проплакала целый год в лесу, но, учитывая обстоятельства, нужно было ответить – или потерпеть поражение. Я не хотела, чтобы меня размазали по стенке. Поэтому я сказала – так, словно твердо решила, что именно этим и буду заниматься:

– Я буду строить анклав. Анклав Золотого Камня. Не сказочные замки, не огромные дома – просто прочные помещения, где смогут спать дети, плюс несколько мастерских. Для этого не понадобятся магия и труд нескольких поколений.

Мысленно я поблагодарила Лизель – когда я озвучила ей свои планы, они стали истиной. Я получила ответ, которого в одиночку могла бы добиваться целый год: да, именно этого я хочу. Золотые анклав по-прежнему были моей мечтой, пусть я и мечтала о них не первая. Когда я произнесла эти слова вслух, они прозвучали абсолютно правильно. Как идея, которую стоит воплощать. Неплохая цель жизни.

– Так, – сказала Лизель. – И сколько лет придется собирать ману, чтобы построить твой Золотой анклав? Сколько детей сожрут злыдни, прежде чем мана накопится? Почему не попросить у лондонцев маны в качестве платы и не выстроить десять анклавов для детей, чьи родители не могут себе это позволить?

Примерно по этому же поводу я до пены на губах скандалила в детстве с мамой, так что, к счастью, ответ у меня был готов:

– Потому что мне некогда будет строить. Я буду работать на Лондон, Нью-Йорк, на всех остальных, у кого много маны, ну и немножко заниматься благотворительностью. Послушай, они много лет пытаются превратить мою маму в своего личного целителя!

– Неправда, – возразила Лизель. – Может быть, твоя мама считает именно так, но у тебя ситуация другая. По-твоему, как часто анклав будут нуждаться в твоей помощи? Если они попросят спасти их от чудовища, которое угрожает разрушить их дом и сожрать детей, ты все равно придешь! Ты же пришла сюда. Ты отказываешься от платы не потому, что не хочешь становиться штатным охотником на чудовищ. Ты не берешь ее потому, что считаешь себя лучше других и хочешь, чтобы им стало стыдно, хотя с помощью анклавов ты могла бы принести гораздо больше пользы всем.

Увы, это звучало очень логично. Я гневно взглянула на Лизель:

– Ну а ты, конечно, принесешь много пользы маленьким людям, да? И вообще, почему ты уговариваешь меня потребовать у лондонского анклава плату? Ты забыла, что сама теперь в негоходишь и собираешься сделать из Элфи Господина? Только не говори, что я тебе нравлюсь.

Она ответила таким же гневным взглядом:

– Ты умный человек! Ты могла бы многого достичь, если бы только попыталась. Но ты упрямисься, боишься, что все рухнет во тьму, как только ты хоть немного уступишь.

Я была ошеломлена: с ее точки зрения, она сделала мне огромный комплимент – похоже, я ей все-таки нравилась.

С запозданием я осознала, что, прежде чем пригласить меня на ужин, Лизель привела в порядок платье и волосы и подготовила комнату. Очевидно, она поставила галочку напротив пункта «сделать Галадриэль союзницей», решив, что я вполне подойду, потому что еще в школе она заметила, что я обратила на нее внимание. Лизель давала понять, что готова поменять союз с Элфи на союз со мной.

Хотя почему поменять... Она не отказалась бы собрать комплект. Лизель, Элфи, я... вот ключ к мировому господству. Таким составом ничего не стоило бы раздавить мюнхенцев, как тараканов. Странно, что Лизель до сих пор не сделала мне прямого предложения. Возможно, она изо всех сил старалась проявить деликатность, поскольку Орион только что погиб и, наверное, я хотела немножко погрустить, вместо того чтобы сразу приниматься за планирование победоносной кампании.

Я не ошиблась: Лизель опасна. Как только до меня дошло, что на столе, помимо ужина, еще и предложение союза, я подумала, что, кажется, понимаю, почему Элфи на нее клюнул. Если у тебя есть все, в частности сила, которую ты хочешь использовать, но еще и достаточно здравого смысла, чтобы усомниться в себе и задуматься, а справишься ли ты – может быть, ты слишком осторожен, – именно такое предложение ты и примешь. Ты нуждаешься в умном и энергичном человеке, который скажет тебе, что делать, рассчитает до запятой оптимальный способ и в довершение даст стимулирующего пинка.

Лизель могла сделать из Элфи человека, а он уж точно в этом нуждался. Даже в школе он принялся мне помогать гораздо искреннее, чем большинство других членов анклава. Он верил – почти так же, как сама Шоломанча, – в нелепый школьный девиз: защищать всех магически одаренных детей на свете. И в этом был несомненный смысл, потому что настал час великого триумфа для его семьи. Элфи хотел жить сообразно этому девизу. Я не могла даже отнестись к его стремлениям пренебрежительно, хотя почти не сомневалась, что Элфи выбрал неверный путь и что сэр Альфред, в целом, просто великий интриган, желающий укрепить власть собственного анклава.

Если я действительно собиралась построить как можно больше Золотых анклавов, Лизель была готова в это включиться; с ее мозгами, энергией и безжалостностью она и из моего проекта могла сделать конфетку. Дайте ей десять лет – и все анклавы мира охотно будут жертвовать ману как бы в рамках страхового договора – понемножку, самый минимум, – ну а если у ворот вашего анклава появится чреворот или аргонет, Галадриэль спасет вас. Или она будет продавать Золотые анклавы как поселения-сателлиты для наемных работников, позволяющие вкушать лучшей жизни. Я живо представляла себе всю программу, хотя сама не достигла бы этого и за сто лет. А когда мы закончим, тысячи детей по всему миру будут спать спокойно. Это гораздо больше, чем добилась бы я сама, имея дело поочередно с маленькими группами магов. И мне не придется отдавать ничего сверх плана.

Никакого фокуса тут не было, и меня это привлекало. Лизель не врала, не обещала того, чего не собиралась дать, и даже не скрывала цену. Она открыто выложила карты на стол: ценой был компромисс. Время от времени улыбаться членам анклавов, даже когда не хочется, бывать на их вечеринках, облегчать для них задачу – и почему, черт побери, нет, если в результате я получу то, что хочу, а хочу я хорошего?

Я соглашалась с Лизель в общем. Я полагала, что она права – в общем случае. Но я не была общим случаем и знала это с пяти лет, с тех пор как моя прабабушка, всемирно известная прорицательница, произнесла над моей головой приговор, сообщив, что мне суждено сеять смерть и разрушение по всей земле, громить анклавы, убивать людей тысячами. И я точно знаю, что дорога к исполнению ее пророчества вымощена благими намерениями.

Но все равно меня к этому тянуло. Лизель говорила искренне, и ее предложение было честным. Мы покинули Шоломанчу, однако тем не менее она предлагала союз, ставя на кон себя, целиком и полностью – а Лизель уж точно нельзя назвать никчемной. Поэтому я не могла злиться на нее, как бы мне этого ни хотелось. Я даже ощутила знакомый горький вкус стремления к тому, чем обладают другие. Как будто я стояла, прижавшись носом к витрине кондитерского магазина, полного сладостей, на которые мне не хватало денег. Элфи, разумеется, согласился моментально. А я не могла.

Впрочем, Лизель не виновата. Я поставила бокал на стол; легкое пьяное головокружение полностью прошло.

– Я не думаю, что все рухнет сразу же, как только я пойду на компромисс, – сказала я, не грубо, но решительно. – Но я не собираюсь выяснять, сколько времени понадобится. Ты тоже об этом пожалеешь, даже если сейчас тебе кажется, что все нормально. Единственная тактика, которой я владею, – это выжженная земля. Если я вступлю в войну – камня на камне не останется. Поэтому мсти своими силами.

Лизель поняла, что я не просто огрызаюсь. Она не настаивала, но внимательно посмотрела на меня, потом с легким раздражением пожалала плечами, налила себе еще вина, словно в утешение, и в мрачной задумчивости откинулась на спинку стула. Лампы над головой слегка потускнели, однако не так, как раньше: энергия у артефакта не заканчивалась, просто одна иллюзия сменилась другой, типа наступила ночь. Вдоль дорожек мягко загорелись фонари, на ветвях раскрылись светящиеся цветы, похожие на колокольчики. Даже водопад замерцал тусклым сине-зеленым светом. По саду бродили люди, и их голоса доносились до нас, но лишь в

виде неразборчивого бормотания, которое смешивалось с шумом воды. Откуда-то слышалась громкая музыка и с ней пронзительные взрывы смеха, диссонансом пробившись сквозь общую безмятежность. Я могла бы поклясться, что это Янси и ее компания. Вероятно, ночным гулянкам предстояло продолжаться вплоть до введения официальных правил посещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.